

ЛЮБОВЬ ПОПОВА

Беременная
ОТ СЫНА
ПРЕЗИДЕНТА

Любовь Попова

Беременна от сына президента

<https://litres.ru/74320474>

Аннотация

— Давно не виделись, девочка моя. Ничего мне про свою беременность рассказать не хочешь? Я прикрываю руками заметный живот. — Ничего. — Мой? — Нет, конечно. Кто бы посмел залететь от сына президента? — Ерничает, Ариш, а я ведь не шучу. Лучше сама скажи, или поедem прямо сейчас тест ДНК делать. — Да зачем это тебе?! Какая разница?! Твой, не твой! Или что, ты резко вспылал ко мне любовью и передумал жениться на своей невесте? — Не смей. Твоя беременность — мой косяк. А за косяки приходится нести ответственность.

Роман про родителей Арины

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Карим	8
Глава 2. Арина	15
Глава 3.	26
Глава 4.	30
Глава 5. Карим	37
Глава 6. Арина	49
Глава 7. Карим	56
Глава 8. Арина	71
Глава 9.	81
Глава 10.	86
Глава 11.	91
Глава 12.	97
Глава 13.	105
Глава 14.	110
Глава 15.	119
Глава 16.	128
Глава 17.	137
Глава 18. Карим	143
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Пролог

— Давно не виделись, Арина. Ничего сказать мне не хочешь?

Она тут же испуганно замирает, закрывая руками живот. Словно я сейчас ее бить туда собираюсь. За зверя меня держит... Даже обидно после всего, что было.

Было.. Как часто лежа рядом возле Марины я прокручивал в голове образ Арины, то какой податливой и послушной она была.. Думал о том, кто ее сейчас трахает, даже проезжал мимо того комплекса, где видел ее с тем мужиком. Сам не знаю зачем — убедиться, что она такая какой я решил ее видеть. И тут эта беременность.

— Ничего.

— Мой? — почему — то я уверен, что да. Так много раз я забивал на защиту... Именно с ней. Да и судя по словам Аллы, с профессором у нее ничего не было. Дамир, который оказался подрядчиком в моем проекте тоже отрицал интимную связь с Ариной. Но и про беременность смолчал.

— Нет, конечно. Кто бы посмел залететь от сына президента?

Забавная. Ершится как ежик. Вот — вот и фыркать начнет.

— Ерничаетшь, Ариш, а я ведь не шучу. Лучше сама скажи, или поедем прямо сейчас тест ДНК делать.

Она поджимает губы, отворачивается, поглаживая живот, к которому мне невольно хочется прикоснуться. Но давлую в себе этот порыв. Ни к чему это. Нужно обсудить все, решить как будем взаимодействовать дальше.

— Да зачем это тебе?! — неожиданно взрывается она. Тот факт, что она умеет так кричать я заметил еще при расставании. Тогда мне не понравилась эта черта, а сейчас... Сейчас я хочу чего угодно от нее, даже крика. — Какая разница?! Твой, не твой! Или что, ты резко вспылал ко мне любовью и хочешь создать семью?

— Не смейся. Твоя беременность — мой косяк. А за косяки приходится нести ответственность.

— Женишься на мне? — задает прямой вопрос, а я головой качаю. Не время. От слова совсем.

— Обеспечу тебя и ребенка всем необходимым.

— А если я откажусь? Я не хочу иметь с тобой ничего общего, понятно? Ты мне противен! — врет, а от лжи даже щеки краснеют. Она стискивает руки, сжимает их в замок, словно боится что не выдержит и кинется бить или обниматься.

— Рот закрой! — даю понять, что ее истерики ни к чему. — А захочешь ты, потом быть с этим ребенком или стать просто суррогатной матерью, выбор за тобой.

— Ты не посмеешь отобрать у меня ребенка! Ты не... — опять начинает задыхаться, но я тяну ее к себе, мельком смотрю на расплюсченную грудь.

— Радуйся, дура, ты своим залетом получила золотой би-

лет. Никаких братьев ублюдков, никакой работы по вечерам, никакого голода. Или хочешь, чтобы твой ребенок стал таким, как твои родственнички?

— В том, что он станет таким, как ты, тоже нет ничего хорошего, — шепчет она, пока я приближаю лицо. Отворачивается, в грудь руками толкает. Не хочешь, не надо.

— Воспитывать его будешь ты. Так что только от тебя зависит, каким он станет, — отпускаю и достаю свой планшет. — Сейчас едем на обследование, потом на твою новую квартиру. И, Арина, не трать мое время. Попробуешь сбежать, найду, ребенка увидеть не дам. По рукам?

— Словно у меня есть выбор.

— Материнский инстинкт — есть не у всех. Так что нет ничего плохого, в том, чтобы отказаться от ребенка и жить своей жизнью. Многие делают из этого бизнес, — поворачиваю лицо, внимательно наблюдая за ее реакциями.

— Вот и нашел бы себе суррогатную, чего ко мне привязался?

— Потому что ты уже беременна. Беременна от сына президента. Наша с тобой задача сохранить все в тайне, чтобы никто ничего не узнал до моей свадьбы... — чертова свадьба, будь она неладна. И беременность. Все так не вовремя. И у отца такой яркий конкурент, не в меру активный.

— У меня бабушка в больнице, — говорит она после паузы, а потом берет свой телефон. — Мне Алла обещала помочь.

Алла...

Забираю у Арины телефон и выкидываю в окно.

— Ты что наделал!? — ревет она. — Ты что натворил!

— Я сам всем обеспечу твою бабашку.

— Мои братья...

— И с ними разберусь... Прекрати истерить.

Она дуется, руки на груди складывает, а я уже предвкушаю, как буду их мять. Даже пальцы покалывает.

— Они тебе рассказали?

— Да, начали шантажировать. Я был у тебя дома, узнал про бабушку, приехал сюда.

— И что, запрешь меня?

— Нет конечно, выходить сможешь до магазина или парка. Но под наблюдением.

— Как великодушно. Смотри, чтобы нимб на мозг не жал.

Прыскаю от смеха. И где пряталась этот дерзкий сурок.

— Мне вот яйца жмут в твоём присутствии. Не хочешь помочь.

— Давай, утопи себя еще больше и изнасилуй беременную. Сыну президента же можно все.

Глава 1. Карим

— Карим Артурович, как мы рады, — почти кланяется администратор закрытого клуба, где лишних людей не бывает, а каждый работник получает за свое молчание довольно приличную сумму.

— И тебе привет, Петрович, — снимаю часы, отдаю телефон и кошелек. Все в бокс, который будет храниться в сейфе. Тут не может быть случайных людей, а на входе все сдают любые средства связи. Все, без исключений. — Ты нашел то, что я просил?

— О да, девочка высший класс, при слове "член" краснеет.

— Никакого принуждения, я говорил.

— Нет, нет, что вы? Как обычно, очень нужны деньги. Вроде, операция какой-то родственнице.

— Отлично. Точно девственница? Без сюрпризов?

— Все проверили, перепроверили, проходила даже полиграф. Даже не целовалась ни разу, не говоря обо всем остальном. Снимаю ботинки, как тут заведено, отдаю официантке с жадным взглядом пиджак и киваю Петровичу. — Соглашение подписала, деньги уже перевели на счет. Все четко.

— Ну, смотри, Петрович. Веди, показывай свой аленький цветочек.

Он почти вприпрыжку разворачивается и ведет меня по

темному коридору с мерцающими ярко синими огнями. Много комнат. Много услуг. На самый взыскательный вкус. Вот и мне, после всех опытных и услужливых, захотелось обычную деревенскую девушку. Только вот с моей физиономией сложно поехать и найти такую, даже в глубинке. Нашу семью слишком хорошо знают. А вот через клуб Петровича, в котором можно удовлетворить потребности любого человека, можно найти. Но самое главное — все по согласию. Некий договор с дьяволом, где, продав душу, можно получить любую запрашиваемую сумму.

Наконец, путь окончен, и меня приводят в гостиную в бежевых оттенках с шикарным видом на город.

— Несколько минут, Карим. Пока можете попробовать наше лучшее грузинское вино «Усахелаури», а так же закуски и фрукты.

— Петрович, я трахаться пришел, а не жрать. Тащи уже целку. Я тут ночевать явно не собираюсь.

— Понял, прошу прощения. А вот, кажется, и она, — открывает он дверь шире, впуская бледную, как мел, девчонку. На первый взгляд совсем молоденькая, но крупная для такого миниатюрного тела грудь выдает зрелость с головой.

— Документы и соглашение дай, — мне нужно все проверить, чтобы потом не было проблем и осечек. Мне тут же предоставляют папку, в которой полное досье на девчонку с удивительно светлыми волосами. Такой оттенок пытаются подделать лучшие модели мира, а у нее свои, настоящие.

Пальцы колет, как не терпится их потрогать.

— Ты иди, мы тут уже сами, — прогоняю администратора, и он что-то шепнул Арине, судя по документам. Девятнадцать лет. Учится в музыкальном бесплатно. Родители умерли, воспитывается бабушкой. Имеет двух братьев. Ну, прямо Золушка. Соглашение подписала, взяла довольно мелкую сумму, судя по всему, на лечение той самой бабушки. И явно не сама нашла это место. Помогли братья.

Когда я увидел ее, стоящую на автовокзале день назад, пах буквально заломило от желания. Но вот так, в открытую, соблазнять девчонку я позволить себе не могу. Так что просто сказал своему водителю, помощнику и телохранителю.

— *Сделай так, чтобы она под меня легла. У такой наверняка есть тупые родственники с долгами.*

Убираю папку, наливаю себе вина, потом, немного подумав, второй стакан. Эта мышь так трясется, словно я сожрать ее пришел.

Нарядили ее под стать статусу, в белое. Простой лен с кружевом по кромке груди. Сосков не видно, да и откуда там возбуждение, учитывая, что она пришла продать свою девственность?

Подхожу ближе, втягивая ноздрями естественный аромат ее тела. И мне он определенно приятен. Он будоражит воображение, словно она соткана из спелых яблок и является самым наливным из них.

— Возьми его, — протягиваю бокал, ожидая, что возьмет.

И она меня не разочаровывает, обхватывает тонкими пальчиками без признаков лака. — Теперь пей.

Она поднимает взгляд, момент узнавания не передать словами, и мне нравится видеть в ее глазах практически вызов. Своего рода сноб.

— Пей, я сказал.

Она сглатывает, подносит бокал ко рту и наклоняет его. Все выше и выше, пока и без того яркие губы окрашиваются в вишневый. Но мне нужен не глоток, я хочу, чтобы она выпила больше. Чтобы она глотала, потому что я так хочу.

Она давится и проливает несколько капель на пол и себе на сорочку. Красные капли на белом. Это будоражит воображение. Потому что совсем скоро будет так же, когда я заберу ее девственность.

— Ну, как?

— Горько, — отдает мне бокал, и я отношу все на столик, сажусь на диван, чуть расставив ноги, и рассматривая добычу.

— Знаешь, зачем ты здесь?

— Может, вам еще раз соглашение посмотреть, чтобы не задавать глупых вопросов?

Меня даже улыбнуться тянет. Это она пришла выполнять приказы, но ведет себя весьма гордо и достойно. Хороша, даже очень. Даже жаль, что нам отведена всего одна ночь, и у меня не будет шанса покорить эту лошадку своим обаянием.

— Ну, раз знаешь, раздевайся.

Она тут же опускает руки к подолу и задирает его, моментально открывая мне свое тело. Я даже чуть наклоняюсь, чтобы рассмотреть его в подробностях. Пышную грудь, тонкую талию и крутые бедра. Между ногами треугольник ру-
сых волос. Тонкие лодыжки, длинные по пояс волосы.

— Чуть лоска, и ты бы могла стать лучшей эскортницей страны.

— Сомнительная перспектива.

— Сейчас это даже модно, зря ты. Может, потом бы еще раз пересеклись.

Она резко прикрывается, на что во мне все бунтует. Я тут же встаю, подхожу близко, хватая крепко запястья и отводя их в сторону. Рассматриваю грудь с особой тщательностью, словно в поисках изъянов, но их просто нет. Одно сплошное совершенство.

— Ты красивая, Арина. Помни об этом всегда, — наклоняюсь, чуть поддаваясь вперед и смотря то в глаза, то на припухлые губы. Она плакала, это видно по красным капиллярам и следам слез на пухлых щечках. — Теперь расслабься, выбора у тебя все равно нет.

Она поджимает губы, осознавая мои слова, сжимая кулачки, когда прижимаюсь к соленым губам. Таким мягким, словно пух. Я давлю на них, вожу своими, ощущая, как от вкуса и запаха этой девчонки пьянею больше, чем от вина. Мне дико нравятся предвкушение, что плещется внутри меня. Такое терпкое, с привкусом горечи, ведь ночь закончит-

ся, и больше она не будет невинной. Достанется потом такой лакомый кусочек кому-то другому.

Она упирается, не дает всунуть язык, отчего приходится надавить, напомнить, кто она, и кто я. И для чего она здесь.

— Хочешь уйти? Еще есть шанс отказаться.

— Нет, нет, просто... Обязательно все это?

— Обязательно, ведь без этого ты не возбудишься.

— А зачем мне возбуждаться? Я сюда вас удовлетворить пришла.

— Меня удовлетворит твое возбуждение, так что старайся, — отпускаю запястья и, накрывая правое полушарие, левой рукой трогаю довольно упругую задницу. Девочка много ходит ногами.

Вдавливаю крошку в свое уже давно готовое тело и, наконец, толкаю язык во влажный кипяток рта. Сладко, чертовски сладко! Особенно сжимать в тисках рук обнаженное, дрожащее, словно от холода тело.

Глажу задницу, чуть раздвигая булочки, проходясь пальцами по еще суховатым складкам, вдоль тугих еще девственных отверстий. Сегодня я воспользуюсь каждым. Эту ночь и меня она запомнит навсегда. Будет каждого любовника сравнивать со мной!

Обнимаю грудь, перебираю между пальцами сосок, чувствуя, как он твердеет. И это почти победа, как и влага, что скапливается на пальцах, которыми глажу нежную плоть.

Поцелуй сначала односторонний, вскоре становится обу-

чением. Она подставляет язык, дает его гладить, лизать, сосать, иногда даже издавая мурчащие звуки, скорее всего, даже не контролируя это. Отпускаю лишь на мгновение, полюбоваться тем, что сделало с ее телом возбуждение. Соски торчат, привлекая внимание, на белой коже розовые пятна от моих грубых касаний. Но самое главное — взгляд. Теперь он непонимающий и испуганный, а самое главное — любопытный. Ей тоже интересно, чем закончится эта ночь, и какие еще ощущения она получит сегодня.

Глава 2. Арина

— Конечная! — орет водитель, по совместительству мой старший брат Витя, на что сразу поднимается возмущенный гул.

До частного сектора, где живет добрая половина пассажиров минут тридцать. По жаре.

Я перебрасываю косу на левое плечо, подхватываю сумки с продуктами и выхожу из автобуса.

И тут же вижу причину, по которой дорога, по которой и так никто не ездит толком, перекрыта.

Стоят новенькие красные автобусы, которые будет колесить от Москвы до нашего города. Рядом несколько представительных машин, вокруг которых, словно на хоровод, собралась охрана.

Красивые блестящие иномарки очень выбиваются на фоне автовокзала, которому давно требуется ремонт.

— Спасибо хоть за автобусы, — сплевывает брат на землю, вставая рядом. Потом достает сигарету. – Приехали они в шикарных тачках, хотят показать, насколько они добрые и пушистые. Ворье одно...

— А ты не ворье? Кто у бабушки медали дедушкины стащил.

— Да что те медали по сравнению с тем, сколько отмывают эти богатые уроды.

— Ну, они же не просто так богатыми стали. Работали, трудились.

— Я тоже всю жизнь тружусь, но даже на хату не заработал. Им просто повезло родиться в нужной семье.

— Думаешь, они там сидят на всем готовом и ничего не делают? Не думаю.

— А как иначе. Люди на них батрачат, а они только сливки собирают. Ты домой?

— Ага.

— Я к своей сгоняю и тоже приду. Пожрать приготовить.

— А твоя не готовит?

— У нее другие задачи, — усмехается Витька. — Надо и тебе мужика найти. С твоими данными, может, еще заживем.

Окно одной из машин открывается, и я вижу мужчину в солнечных очках. Мне кажется, где — то я его видела. Очень знакомая линия роста волос. Наверняка мелькал в одной из новостных программ, что так любит смотреть бабушка. Опускаю пакеты, чтобы надеть наушники и включить другой плейлист.

— Ладно, до вечера.

Отворачиваюсь, подхватываю ношу и спокойно бреду вдоль дороги к своей улице, подпевая любимой «полналюбви».

Хочу повернуться брату помахать, но он, неожиданно, оказывается, занят разговором с одним из тех амбалов, что охраняли машины.

Потом спрошу, о чем говорили.

Интересно же...

Почти сразу забываю и о новых автобусах, и о тех, кто их поставил. Рисую в уме, куда нужно потратить зарплату, что сегодня выдали. Заплатить за курсы английского, потом за коммунальные платежи и отложить на лечение Генки, может он все — таки согласится. Рано или поздно.

Спустя полчаса, наконец, дохожу до нашего старенького дома с большим огородом.

На пороге как обычно пакеты с пустыми бутылками, на крыльце окурки от сигарет. Ничего нового.

Стучу в дверь, но мне в ответ лишь тишина.

— Бабуля! — зову, открывая дверь, чувствуя стойкий запах перегара. Тут же валяется Генка, что — то бормоча себе под нос. Блин...

Я ставлю пакеты с продуктами на стол, потом уже тащу тощего братца на кровать. Снимаю ему ботинки и накрываю одеялом. Бабушка тоже спит в другой комнате.

Не трогаю, иду готовить кушать, потом кормлю собак. Проходит два часа, а бабушка все спит. На нее совсем не похоже.

Иду в спальню, торможу легонько.

— Баб, бабушка, — уже волнуюсь, трогаю пульс и наконец, она открывает глаза, но так вяло... — Ты заболела?

— Сердце прихватило, Ариш. Хотела придурка этого выгнать, да плохо стало.

— Давай скорую вызовем. Лучше перестраховаться.

— А за скотиной кто присмотрит, пока я бока буду налегивать. Это не в вашем этом городе.

— Так я на выходных дома, я все сделаю. Лучше пусть тебя, как следует, посмотрят.

— Ну, хорошо. Только корову не забудь подоить.

— Все сделаю, ты только не волнуйся, — оставляю ее, вызываю скорую и сразу звоню Вите.

— Да, дорогая сестренка, — елеинный голос напрягает. Это не то, к чему я привыкла. Обычно брат со мной груб, словно в отместку за мои успехи.

— У бабушки сердце прихватило. Скорую вызвала.

— Здорово!

— В смысле? Ты обалдел?

— Да, наконец, ее обследуют. Знаешь же, как она врачей не любит.

— Точно. Приедешь?

— Да конечно! Уже лечу...

Сарказм или правду сказал, не знаю. Главное я сообщила. А теперь пойду собирать бабушке сумку.

Скорая приезжает через полчаса, за которые я успеваю и сумку собрать и еду доготовить. Даже напоить Генку рассолом. Двое фельдшеров заходят вместе с Витей, лицо которого излучает необычную серьезность. Кажется, вот — вот маска с его лица спадет, но мне не до него и всех странностей с его лицом. Я помогаю бабушке собраться, лечь на каталку,

на которой ее выносят в машину скорой помощи, так тяжело ей ходить. Хочу с ней поехать, но Витя первый забирается в машину.

— Ты на хозяйстве. Я все равно нихера не знаю.

— Но я хочу с бабушкой.

— Ариш, оставайся, за Зорькой присмотри, коровушкой моей.

— Я позвоню, — говорит Витька и хлопает дверью перед моим носом. Я взглядом провожаю машину скорой помощи. Горло сковывает обидой. Я бы вернулась назад на такси, но так хотела быть с бабулей. Она хоть и строгая, но самый близкий мне человек. Когда умерли родители, она поднимала нас троих. Братья были уже большие, а мне десять лет. Спуску она мне не давала, воспитывала меня в строгости и запретах. Заставляла много работать, но еще больше учиться. Сидела со мной часами. Учила мудростям жизни.

Не смотреть по сторонам, не бегать по свиданиям и подружкам. Я так порой боюсь ее разочаровать, сделать что — то не так.

Ведь у меня кроме нее и братьев нет никого. После той аварии я даже не помню ничего.

Родителей не помню, хотя братья много рассказывают. Хоть и не самого приятного. Несмотря ни на что я смогла окончить школу с золотой медалью, поступить на бюджет, выбрав профессию, которую бабушка считала благородной.

В доме что — то разбивается и я бегу туда, смотрю, как

Генка ищет чекушку.

— Точно, где – то тут было.

— Ген, Ген – не приближаюсь, но зову. – Бабушку в больницу забрали.

— Она свое пожила.

— Да как ты можешь так говорить! Она же все для нас.

— Святая бабуля, святая Аруля. Меня от вашей святости тошнит. Да где оно! — роется он на антресолях. Я иду к холодильнику, достаю бутылку пива и несу ему.

— На, только не буянь.

Он как ребенок присасывается к бутылке, а вскоре засыпает. Я же продолжаю ждать звонка от Вити. Сам он трубку не берет. А бабушка не признает сотовых телефонов, только домашний.

Не могу уснуть до самой полночи. Переделав все дела, сижу возле ворот, высматривая такси, на котором наверняка приедет Витька. Его возят бесплатно, как местную легенду легкой атлетики. Но чтобы развиваться в спорте, нужны были деньги, которых у нас никогда не было. Зато недостатка в них никогда не ощущал тот мужчина из черной машины... Ради чего он живет, если молодым имеет все что хочет.

Наконец вижу яркие огни машины. Сажу, сжав колени. Ожидание смертельно. Оно разрастается как трещина, стремительно и глубоко. Копчик охватывает холодом, когда Витя хмурый выходит из такси, жмет руку водиле, и идет мимо меня в дом.

— Витя! Бубушка жива? - кричу надрывно, ощущая как слезы потоком по щекам. - Что случилось?! Отвечай немедленно!

— Жива... Но ей недолго осталось.

— Мне нужно к ней, — рвусь к двери, но брат удерживает.

— Да стой ты, куда ломанулась? Что толку от твоего там сидения. Надо деньги искать, чтобы ее в Москву отправили и пролечили.

Пролечили. Пролечили... Эти слова внушают надежду, а на операцию могут дать кредит.

— Много денег?

— Пол ляма. Там что — то с клапанами.

— Боже, как много... — сажусь на стул. Мне даже сложно представить о какой сумме идет речь. Баснословные деньги, которых у нас никогда не было. Но и бабушку бросить я не могу. Ей всего шестьдесят. Она может еще лет двадцать жить поживать. — Что же делать? У меня есть накопления, но там всего тридцать тысяч.

— У меня тоже есть. Где — то пятьдесят.

— Вот, у меня тоже есть заначка, — приносит Генка пять тысяч, почти падая на стул рядом. Меня прошибает нежность к моим недалеким братьям. Какими бы они не были, но за семью стоят горой. Сколько парней они в свое время от меня отогнали. Сколько избили и сломали рук тех, кто думал, что я набиваю себе цену.

— Ребят, мы справимся ведь... Мы что-нибудь придума-

ем.

— Даже не сомневайся, — садится Витя передо мной на корточки, вытирает побежавшую по щеке слезу. — Завтра пойду по всем своим паханам, у кого что смогу, одолжу.

— А я тогда кредит попробую завтра взять. Может дом заложим?

— За него много не выручишь, я ж узнавал, — икает Гена, смотря на меня виноватым взглядом.

— Ладно, давайте не унывать, утро вечера мудренее.

Только вот к следующему вечеру все, что мы собрали это сто пятьдесят тысяч. А за дом давали еще сто пятьдесят в кредит.

— Черт, — взрывается Витя, а у меня слезы на глазах наворачиваются. — Времени совсем нет! Нужно уже в понедельник занести деньги...

Боль сковывает изнутри, словно в сердце огромный ржавый штырь торчит. Собственная несостоятельность ощущается камнем на душе. Неужели ничего нельзя сделать. Неужели бабушка умрет?

Слезы бесконечным потоком, руки закрывают лицо, дрожа от тихой истерики. Мне нужно к ней. Мне надо извиниться, побыть рядом столько, сколько смогу.

Встаю с дивана, иду собираться. Надеваю джинсы, футболку и кроссовки. Беру самой любимой бабушкиной еды.

— Ты куда? — появляется Витька, пока Гена снова бухает, на этот раз с горя. — К бабушке?

— Да, хочу быть с ней, пока она... — Говорю с трудом. — Пока она еще жива.

Беру сумку, иду уже к выходу, когда Витька вдруг окликает меня.

— Арин.

— А? Тебя подождать?

— Нет, слушай, есть один стопроцентный вариант.

Я цепляюсь за эту соломинку, словно за ветку над огромной пропастью.

— Так чего же ты молчал! — бегу к нему, хватаюсь за руки, трясусь его как могу. — Говори! Немедленно! Как ты мог...

— Просто для этого придется...

— Что придется? Не молчи!

— Продать твою девственность.

Я отвожу руки резко, словно ошпарившись. Смотрю на лицо Вити, принявшего самый виноватый вид. Может мне показалось? Может я просто ошиблась?

— Что ты имеешь ввиду?

— То самое. Есть клуб, там дают деньги за подобное. Любые, какие попросишь.

— А откуда ты... знаешь про этот клуб?

— Слухи ходили, но ты сама понимаешь. Арин.

— Это что, чтобы спасти бабушку мне проституткой нужно стать? — выдаю все на одном дыхании, пока сердце отбивает чечетку. Я никогда даже... Никогда не хотела, не дума-

ла. Это все не для меня.

— Арина, — хватает Витя меня за руки. — Это только одну ночь. Мы получим деньги, оплатим бабушке операцию и забудем про это. Никто никогда не узнает.

Поворачиваю голову, смотрю на Гену, который ведет пальцами по губам в замочке.

— Никому. Если бабушка выживет, пить брошу, вот те крест!

— Я не знаю, я не смогу. Это же надо с каким — то непонятным... А если я забеременею? Как мне потом жить?

— Нет! Моя Манька принимает таблетосы если я пульнул не туда, я их куплю в городе и никаких последствий не будет.

— Да что ты с ней болтаешь, она больше о своей чести печется, чем о жизни бабушки, которая нас вырастила, подняла! Хочет ей смерти.

— Нет! Господи, конечно нет! Я, — закрываю глаза, не до конца понимая, на что соглашаюсь. — Я готова.

— Отлично!

— Но все должно быть задокументировано! Я не хочу, чтобы нас обманули.

— Будет соглашение, все юридически заверено, типа как выплата за услуги, но указано какие не будет. Ну, сама понимаешь...

— Понимаю. Это противозаконно.

Наверное, осведомленность Вити должна меня насторожить, но все о чем я могу думать, это о том, что совсем скоро

стану той, кого сама презирала. Вроде моей соседки по квартире Полины, которая имеет нескольких богатых поклонников и гордится этим.

А для меня это будет позор... Но если это спасет бабушку, то какой у меня выбор?

Глава 3.

Витя сказал, что ничего собирать не надо – одежду выдадут, но я все равно взяла полотенце, гель для душа с любимым запахом яблок, а так, же смену белья. Все это я делала на автомате, онемевшими руками, еще не совсем осознавая для какой цели, я это делаю. Зачем куда – то еду на такси, зачем меня отводят мыться и делают прическу. На каждое действие этих молчаливых людей я смотрю на Витю, но тот одобрительно кивает.

— Все отлично, Ариш, ты умница.

Только вот почему я не ощущаю себя умницей или даже героиней. На душе гадко, хочется напиться воды, чтобы убрать тошноту, хочется оттереть лицо мочалкой, чтобы не видеть этот макияж.

Это не я перед зеркалом. Не я стою в короткой белой сорочке под наблюдением стольких людей.

— Клиент еще не приехал, можешь пока отдохнуть, — предлагает полноватый и вечно опаздывающий директор клуба, в который меня привезли. Подсунули соглашение.

Брат рядом, выпивает виски, смотрит на меня.

— Красивая ты Аринка. Даже жаль, что сестра.

— Закрой свой грязный рот. Как у тебя мысли то такие зародились.

Витя поднимается, идет ко мне, поворачивает к зеркалу,

откуда на меня смотрит девушка с небрежной укладкой и макияжем, а ля, я только встала.

— А ты в зеркало на себя взгляни. Чуть макияжа и от простушки ни следа. Не волнуйся, ты не делаешь ничего плохого, — целует он меня в макушку и оставляет одну.

Минута. Две. Три. Я отсчитываю даже не минуты, секунды, словно человечество при неизбежном падении метеорита.

Катастрофа. Армагеддон. Именно эти слова крутятся в голове, пока до слуха доносится оглушительный звук часов. Страх скручивает внутренности узлом, кажется, что воздуха не хватает, а стены все больше давят. Сейчас расплющит меня.

Вскакиваю с кресла, начинаю метаться из угла в угол, пытаюсь, договорится с собственной совестью, принципами.

Это просто секс. Рано или поздно это должно было произойти.

Я просто уважать себя не смогу. Даже в зеркало смотреться.

Лучше гордой, но убийцей.

Можно найти другой способ, можно же иначе!

Бабушка может умереть, а через пару дней твое тело даже не вспомнит, как его использовали.

Душа, душа будет помнить. Болеть. Кровоточить. Подсыпать соленых воспоминаний на раны.

Но бабушка будет жить!

Если она узнает, как я ее спасла, она откажется от меня, она не простит.

Она не узнает. Никто никогда не узнает. И ты забудешь, как страшный сон.

Такой страшный, что живот крутит.

Мозг осознает, мозг все понимает, почти смиряется, но что – то внутри бунтует, заставляет метнуться к двери и пытаться ее открыть, дергая ручку.

— Выпустите меня! Я передумала! Я так не могу!

Дверь резко открывается, и я вижу Витю.

— Витюш, милый, я не могу так, я правда пыталась, я приехала, но я так не могу! Как я потом жить с этим буду! Я возненавижу себя! Бабушка поймет, бабушка простит! — уже на истерике ору ему в лицо и вдруг получаю пощечину. Ахаю от неожиданности, смотрю на брата в слезах. За что?

— Успокоилась?

— Ты ударил меня...

— Просто хотел успокоить, объяснить, что, если ты сейчас уйдешь отсюда, мы заплатим в десять раз больше. И придется тебе, сестрица не высокопоставленный чистенький хуй сосать, а Джамала с рынка, который давно на тебя слюни пускает.

Я не сразу понимаю, о чем он говорит. Каждое слово через призму острой обиды за пощечину.

Витя матерится, идет к мини холодильнику и достает пакет со льдом. Прикладывает к моей щеке.

— Держи. Сильно больно? Прости.

— В десять раз больше? Ты уверен?

— А ты всегда подписываешь, не читая? Смирись, на эту ночь ты собственность того, кто тебя купил.

Даже думать про это не могу, а как представляю это самое «сосать» так съеденная еда наружу просится.

Глава 4.

Меня ведут по длинным коридорам. На каждый стон или крик я дергаюсь в сторону или торможу, но сзади всегда есть внимательная рука, толкающая меня вперед. Я поджигаю губы, все время пытаюсь одернуть сорочку вниз. Никогда не носила таких коротких. Никогда не думала, что надену.

Все дальше и дальше, сквозь пугающие звуки и мигание света к темной двери, что не сразу и разглядишь. Она открывается, словно пасть огромного зверя, а мне необходимо туда шагнуть. Туда где по ощущениям я полностью потеряю свое я. Свои принципы и правила. Свою личность. Отдам все это на растерзание тому, кто захотел купить мое тело.

Меня должно порадовать, что он молод и красив, но я лишь теряюсь в догадках, зачем ему вообще понадобилось платить за секс. Но это ровно до того момента, пока его лицо оказывается на свету, и я различаю его черты. Узнаю безошибочно принца нашей страны. Старшего сына главы государства. Страх отступает перед злостью. Вбитое уважение к тому, кто делает нашу страну лучше, моментально пропадает. Потому что он не смог главного, воспитать достойно сына. Ведь что хорошего может сделать человек, покупающий секс в притоне. Так и рвутся с языка слова «Вы сегодня без папы?» Но эмоции берут вверх не настолько.

Слежу за каждым его движением, в любой момент, опасаясь

ясь нападения. Но он только наливает в бокал вино и начинает двигаться ко мне. Огромным усилием воли не отшатаваюсь, когда он предлагает мне выпить. Качаю головой, не готова я нарушить даже такой маленький принцип. Алкоголь зло, он жизни людей разрушает.

— Пей, я сказал, — вкладывает бокал в руку, толкая его к моему рту, наклоняет сам, не позволяя мне избежать падения. Я делаю слишком большой глоток, чувствуя, как пряная горечь встает колом в горле. Проливаю часть вина, оставляя некрасивые следы на белоснежной ткани сорочки.

— Ну, как?

— Горько.

— Знаешь, зачем ты здесь? — Господи, он пьяный что ли? Или поиздеваться решил перед употреблением. Потыкать дичь, перед тем как сожрать?

— Может, вам еще раз соглашение посмотреть, чтобы не задавать глупых вопросов?

Паникую, понимая, что сказала. А главное кому. Но, кажется, сына президента забавляет моя дерзость, потому что он усмехается и, поставив бокал на столик, спокойно садится на диван, кивая.

— Ну, раз знаешь, раздевайся.

Не медлю, сразу срывая пластырь с раны на моей гордости. Стою в чем мать родила, пытаюсь понять, о чем он думает, видя меня такой. Взглядом черчу на полу линии лабиринта, в который мгновенно превратилась моя жизнь. И, ка-

жется, выхода нет. Только через чудовище, что оскорбляет меня подобием комплимента.

— Чуть лоска, и ты бы могла стать лучшей эскортницей страны.

— Сомнительная перспектива.

— Сейчас это даже модно, зря ты. Может, потом бы еще раз пересеклись.

Его слова предполагают, что мне это все может понравиться. Что я постоянно буду себя продавать, только уже ради собственной выгоды, а не из-за семьи. Не могу сдержать порыв и прикрываю грудь и лобок, словно прикрываясь от порока, в котором он, судя по взгляду, живет. Что для него норма, для меня лишь грязь.

Левицкий резко поднимается, хватая мои запястья, обжигая их силой, выдавая на одном дыхании.

— Ты красивая, Арина. Помни об этом всегда. Теперь расслабься, выбора у тебя все равно нет.

Почему это не помогает. Почему вместо того чтобы смириться с собственной участью все внутри меня сопротивляется этому человеку. Слезы бесконтрольно льются, пока он наклоняется, прижимается к уже соленым губам.

Пытается поцеловать, показать подобие нежности, отчего становится только хуже, а желание удавиться растет стократно. Верчу головой не позволяя всунуть в себя язык.

Левицкий резко отстраняется, раздраженно фыркая.

— Хочешь уйти? Еще есть шанс отказаться, — ложь. Мы

оба знаем, чем все закончится.

— Нет, нет, просто... Обязательно все это?

— Обязательно, ведь без этого ты не возбудишься.

— А зачем мне возбуждаться? Я сюда вас удовлетворить пришла.

— Меня удовлетворит твое возбуждение, так что старайся, — растягивает он губы в улыбке. Пугает до дрожи, трогая мою грудь, мою попу, скользнув пальцами прямо там. При этом он прижимает меня к себе. Меня колотит от страха как от холода. Кажется, что здесь толпа народу и все как один тычут на меня пальцами, крича громко и яростно «Распутница».

Но я не такая, не такая. Я по-другому хотела. Чтобы по любви. Чтобы обвенчаться. Чтобы на белых простынях в крошечной тьме. Правильно. А это неправильно. И что он пальцами своими делает — неправильно, и какие эмоции во мне вызывает своими манипуляциями.

Это просто тело. Это просто товар, которым я пожертвую ради бабушки. Буду стойко сносить все, что он со мной делает. И как в рот язык толкает и как сжимает попу, поднимая меня в воздух, раскрывая ноги, чтобы пояс его обхватила.

Он гладит спину, держит как пушинку, а я обещаю себе, что буду послушной, буду почти неживой, потому что должна, потому что сама на это пошла. Он трогает мою грудь, несет меня к большой кровати, подчиняя своим порочным желаниям. А я смотрю и не могу представить, что он будет

со мной сейчас делать, и как будет измываться над телом. Пытаюсь вспомнить все, что видела на ферме. Как покрывает бык корову, как сношаются собаки или коты.

Я лежу перед ним с пошло раздвинутыми ногами, хочу сдвинуть, но Левицкий мотает головой.

— Оставь, мне нравится так.

Как так? Смотреть на срам? Господи, как это ужасно. И как ему это нравится может. И как может мне нравится торс этого отвратительного человека. Он уже снял рубашку и теперь берется за пояс. Я не хочу это видеть и поворачиваюсь на живот, встаю как животное.

— И что ты делаешь?

— Жду, когда вы закончите, — может если не смотреть, то это не будет так ужасно. Может я смогу легче это перенести.

Левицкий усмехается, хватая меня за попу пальцами, сжимая плоть. Вздрагиваю, чувствуя, как от пальцев с мозолями по коже бегут мурашки, словно кто — то впустил сквозняк.

Мужчина трогает другой рукой мои бедра, скользит между, нажимая коленом возле ноги. Чувствую горячее дыхание на спине, влажные губы и слышу хриплый шепот.

— Я буду ебать тебя всю ночь, так что не рассчитывай на быстро, малышка.

Всю ночь?

Вздрагиваю, когда он трогает меня там пальцами. Откровенно и пошло, скользит так, словно там мокро. Закрываю

глаза, пытаясь даже на секунду представить, что он будет со мной делать всю ночь. Судя по сексу моей соседки и ее парня, им нужно не больше десяти минут. А что тогда... Боже!

Вскрикиваю, когда чувствую между ног горячее дыхание, что сопровождается пальцами, которые раскрывают меня как раковину.

— Это не то что... Не надо, — умоляю, чувствуя, как на подобные прикосновения тело отзывается, учащается биение сердца. — Прошу.

— Молчи и наслаждайся. В твоей скучной жизни такого не повторится, — слушаю его охрипший как от простуды голос, а потом раскрываю глаза от удивления, когда его губы вдавливаются в мою мокрую дырочку.

Я пытаюсь сжать бедра, не веря в то что это происходит! И это разве секс, это какой - то изврат!

— Трогала себя?

— Что?

— Трогала себя между ногами, спрашиваю, - требуется ответа, продолжая терзать между ног то языком, то губами, вызывая странные, непривычные, постыдные ощущения... Это разве называется выполнять долг? Мое тело, оно реагирует неправильно!

— Открой глаза, ничего страшного ведь не произошло, - вдруг слышу его голос сверху... Оно растягивает губы в улыбке, чуть поглаживая меня по голове. Медленно, нежно... Словно гипнотизируя красотой и спокойствием. Но оно за-

канчивается, как только Карим дергает меня за волосы на затылке.

— Детка, давай уясним раз и навсегда. У тебя сегодня нет права на «нет». Я говорю, ты выполняешь. Все в рамках соглашения, которое ты сама подписала.

— Я не...

— Мне твои оправдания не нужны, поняла? Поняла, спрашиваю?

— Слушайся детка и получишь столько удовольствия, сколько не подарит не один деревенский утырок. Договорились? - он приближается, смотрит то на губы, то на мокрые от слез глаза...

— Возьми мой язык губами, соси его как конфету, - вытаскивает он язык.

— На меня смотри, не закрывай глаза, - требует он и я тут же поднимаю ресницы, скреживая свой взгляд с его... Позволяя втягивать себя в это действие, в эти странные игры.

Глава 5. Карим

Мне нравится, как смотрятся в желтоватом свете ее сочные половые губки. Сладкие на вкус и запах. Сок течет мне прямо в рот, порождая еще более яркие образы того как все будет между нами сегодня. Пальцы скользят по мокрым складкам, раздражая нервные окончания в еще зажатом теле. Ничего, к утру она сама будет тянуться ртом к моему члену, с удовольствием вылизывая его от основания до головки.

Разминаю мышцы влагалища изнутри, продолжая погружать язык в горячую сердцевину. Впитывать в себя ее нежность и мягкость, продолжая готовить к основному действию. Трогаю самым кончиком клитор, чувствуя, как девочка вздрагивает. Пальцами левой руки разминаю попку, чувствуя ее упругость. Сжимаю резко, фиксируя, начиная бить в клитор точно и сильно. Снова и снова, не давая опомниться. Отрываюсь лишь на мгновение.

— Трогала себя?

— Что? — не понимая, вертит головой, размазывая тушь по белой простыни. Вот нахуй они ее красили.

— Трогала себя между ногами, спрашиваю.

Она опускает голову так, что часть волос красиво свешивается, с одной стороны.

Смотрит Арина непонимающе, словно пьяная, кусая губы. Полные, пухлые губы алого цвета, так напоминающие те,

что я целовал только что.

Тут же возвращаюсь к сочной пизденке, прикусывая и посасывая. Чувствуя, как по юному, бледному телу катится дрожь, а кожа покрывается мурашками. Сжимаю руками обе ягодицы. Чуть растягивая их, удерживая в одном положении, пока мучаю ее, почти подводя к оргазму.

Знаю, когда надо ускорится, когда надо, притормозить. Сама она не скажет, но ее сжавшаяся поза, зажатая в кулаках простынь, и скулящие стоны говорят о многом. Оставляю последний миг напоследок, открываясь от горячего меда, которым она истекает.

Поднимаюсь и ложусь рядом, смотря как она дрожит с закрытыми глазами. Пальцами стираю слезы с видневшийся щеки, трогаю припухшие губы.

— Открой глаза, ничего страшного ведь не произошло, — она застывает от моих прикосновений, качает головой, кажется еще не понимая во что ввязалась, когда пришла сюда добровольно. Глажу ее по голове, мягко, по всей длине мягких шелковистых, словно из рекламы, волос, а потом резко дергаю, смотря как она раскрывает рот в крике. А потом уже глаза смотря на меня с испугом.

— Детка, давай уясним раз и навсегда. У тебя сегодня нет права на «нет». Я говорю, ты выполняешь. Все в рамках соглашения, которое ты сама подписала.

— Я не...

— Мне твои оправдания не нужны, поняла? Поняла, спра-

шиваю?

Она кивает, старательно делая вид, что не ревет, но слезы выдают ее. Я запрокидываю ее голову дальше, слизываю слезы с обеих щек, стараясь быть, не смотря на слова максимально нежным.

— Слушайся детка и получишь столько удовольствия, сколько не подарит не один деревенский утырок. Договорились?

Она пожимает плечами, давая понять, что услышала меня, а потом дает коснуться своих губ, дает поцеловать себя, всунуть язык во влажное тепло. Мычу не разрыва контакта.

— Возьми мой язык губами, соси его как конфету.

Она подчиняется, но на меня не смотрит, а мне нужно видеть ее яркие глаза.

— На меня смотри, не закрывай глаза.

Теперь она сосет мой язык, старательно вглядываясь в лицо. Прямо интересно было бы прочитать сейчас ее мысли, хотя и так понятно. Стыд. Неловкость. Но любопытство. Эти чувства борются в ней, но по итогу победит возбуждение, которые зудит между ее красивых ножей. И пока она тщательно обсасывает мой язык, я помогу ей в этом, поглаживая маленькие розовые сосочки, разворачивая юное тело к себе.

Отодвигаюсь, чтобы посмотреть на них еще ближе, смотреть, как легко они из плоских превратились в камушки, как хорошо реагируют на мои действия. Тяну их, отпускаю, смотря, как грудь покачивается. Отличная грудь, которую

не каждый хирург сможет создать. Я поднимаю ее ладонями снизу вверх, утыкаюсь в ложбинку, сжимаю свое лицо тесным пленом.

Ложусь на спину, заставляя малышку лечь на себя. Вылизываю соски, прикусываю их, удерживая Арину так, чтобы пах терся об уже влажную промежность, давлю на задницу, пока член горит, синим пламенем. Отодвигаю от себя Арину, кивая на себя.

— Раздень меня, — накрываю бедра и устраиваю ее удобнее на себе. Она вся красная от стыда, в глазах еще отголоски страха, но пальцы спокойно принимаются расстегивать рубашку, открывая впервые, я уверен, мужское тело. А еще я уверен, что ее первый раз проходит со мной на чистых простынях, а не в гараже местного барыги Рашида, потому что, судя по слухам, он тоже хотел ее купить, но предлагал слишком мало. Да, ей очень со мной повезло.

Ей еще многому придется поучиться. Например, действовать проворнее, когда стягивает брюки. Смотреть более игриво, когда спускает с меня боксеры. И она научится. С такими братьями совсем скоро она станет одной из многих, кто за красивую жизнь платит телом. Возможно, через пару лет мы снова увидимся, и наш секс будет более спонтанный и быстрый, на эмоциях и голой ностальгии. Ведь никто никогда не забывает первого.

А пока я наслаждаюсь каждой эмоцией на лице Арины. Тем, как краснеют ее щеки, как сжаты губы в постыдном для

нее возбуждении.

Она стягивает брюки по ногам и хочет встать, но я указываю ей место.

— Вернись сюда, — чуть поднимаюсь и обхватываю тоненькое запястье с настолько прозрачной кожей, что видно бьющуюся венку. Подтягиваю ее обратно, чтобы села на меня.

Она не смотрит на член, что бьется об ее плоский животик, пока она попкой давит на мои яйца. Опускает голову, закрывая лицо волосами. Но меня это не устраивает. Я хочу, чтобы она видела, чтобы наслаждалась тем, что сегодня испытает. Я поднимаюсь к ней так, чтобы наши лица были на одном уровне. Убираю волосы с лица, поднимаю их и делаю узел на макушке, максимально приближая лицо ее. Губы к губам, втягивая носом ее прерывистое дыхание.

— И что дальше? — поднимает она-таки взгляд, цепляясь за мой.

— Расслабься, малышка, и тебе будет хорошо.

— Если буду слушаться.

Киваю с улыбкой.

— Это только ради тебя. В твоей голове миллион запретов, границ и стен, которые нам с тобой не нужны сегодня. Сегодня ты должна ощутить полную свободу, можно сказать, заново родиться и стать.

— Шлюхой, — подсказывает она, вызывая улыбку.

— Женщиной, умеющей получать удовольствие и дарить

его другим, — шепчу в эти сжатые в недовольстве губы и прижимаюсь к ним. Скольжу языком, не прерывая зрительный контакт. Обнимаю грудь, чуть сжимая, поглаживая большим пальцем сосок. Другой рукой мягко поглаживаю шею, иногда сжимая и подталкивая к нужным действиям.

Удивительный опыт. Обычно с женщинами не нужно церемониться, ведь они сами знают, что делать, а тут приходится сдерживаться, ласкать, готовить. И в этом что-то есть, словно готовишь новый проект по застройке или рисуешь новый мост. Нужна тщательность и внимательность, ведь если ошибешься, то кто-то может погибнуть, а тут девочка уйдет, ненавидя секс. Я же не могу это допустить?

Целую долго, основательно. У самого возбуждение, как еле сдерживаемый поток воды. Хочется без церемоний, нагнуть и выебать, но я терпеливо и методично вылизываю ее рот, щеки, шею, наконец, снова слыша музыку из ее всхлипов и стонов.

— Теперь приподнимись, ноги шире, вот так, — контролирую каждое движение, удерживая бедра на весу, сам балансируя на грани взрыва. Она сама должна сесть на член, сама должна прочувствовать каждый миг этой эротической пытки. — Садись на член.

Она непонимающе дергается, медленно опускает взгляд, потом резко зажмуривается. Качает головой.

— Может, вы сами, я не..

— У тебя все получится, ты будешь сама все контролиро-

вать, сама решишь, что пора.

— А как же слушаться? — эти капельки пота на ее висках что-то невероятное! Я слизываю их, наслаждаясь вкусом ее кожи, ее тела.

— Одно другому не мешает, давай, я и так на грани, как ты меня заводишь.

Она выпускает струю воздуха, вцепляется коротко стриженными ноготками в мои плечи, пока рукой подставляю голову к гостеприимно раскрытой щели. Она натывается ровно так, что меня торкает, сжимаю челюсти, обнимаю Арину, взимается в лоб.

— Давай, давай, не томи!

Она садится ниже. Ее тело дрожит, а на глазах выступают слезы. Еще немного до самой преграды, что упругим барьером не дает члену продвинуться дальше.

— Один рывок, и все, Арин. Больно только в первый раз.

Она кивает, прекрасно понимая, что сегодня неизбежное случится. И ее смирение прекрасно. Она закрывает глаза и опускается полностью на член, словно ныряя в пропасть. Вскрикивает тихо, как кошечка мяукнула, уткнувшись мне в плечо.

Член словно в кипятке, настолько горячо и влажно. Я сам мучаюсь, сдерживая животное желание просто ебать ее до потери пульса. Но меня научили быть терпеливым, потому что терпение вознаграждается.

Давайте честно, что мне мешало прямо там, на остановке

схватить эту глупышку, посадить в машину, выебать и бросить там на обочине? Даже пойдя она в полицию, никто бы ей не поверил. Но я подождал сутки, чтобы увидеть, как она почти добровольно входит в комнату. Такая сладкая и беззащитная! Действительно, котенок.

— Котенок, посмотри на меня, — поднимаю подбородок, пока самого жестко трясет, член так сильно пульсирует, что вот-вот брызнет. Ариша хочет встать, но как только тугое влагалище пытается освободиться, меня как током бьет. Оргазм быстрый, острый, сильный накрывает так скоро, что я просто вжимаю в себя Арину и жду, когда буря стихнет.

— Все? — спрашивает она спустя минуту, когда последние конвульсии стихают. Я лишь усмехаюсь, снимая ее с себя, смотрю, как член измазан белесо-красными разводами, а из розовой расщелины вытекают остатки спермы. — Все?

Какой нетерпеливый тон, даже агрессия на фоне боли.

— Пойдем, — собираю сперму и рисую на животе, к груди, по соску. — Помоемся.

— Может, я пойду, вы же все?

— Котенок, я еще не настолько стар, чтобы после одного оргазма ложиться спать, — слезаю с кровати, подхватываю котенка на руки и несу в ванную, где уже набрана вода. Ставлю Арину на ноги и иду к шкафчикам, где всякие масла и даже свежие лепестки роз, как просил.

Арина стоит, вся сжавшись, пока я наливаю аромомасла в ванную и бросаю лепестки.

— Зачем это?

— Хочу, чтобы ты перестала так трястись, — залезаю в ванную и подаю руку. Сажусь так, чтобы ей было удобно лечь на мое тело. Ее собственное напряжено, как камень. Как же тебя расслабить? Поговорить? — На кого ты учишься? Ты же учишься?

— Ну, да. На учителя музыки.

Господи, как благородно.

— Нравится?

— Да, мне не терпится приступить к работе, если честно. В нашей школе.

Смотрю, с амбициями тут совсем беда.

— На каких инструментах ты играешь?

— На фортепьяно, гитаре и флейте.

Пока мы валяемся в ванной, глажу ее тело, лаская то животик, то грудь, то между ног. И чем больше мы разговариваем, тем больше она мне доверяется. Я тоже не молчу.

— А я все детство рисовал. Испортил множество обоев, когда стоял в углу.

— Ой, не зря вы стали архитектором. Мне понравился новый мост.

— Мне тоже. А моему отцу нет.

— Почему?

— Ну, он такой, требующий совершенства, и всегда ищет, к чему придраться. Но я не в обиде. Так я и сам становлюсь лучше. Вот, например, сейчас, — я разворачиваю кошечку к

себе, чуть сжимая ногами бедра. — Я с самой лучшей девушкой. Ты невероятная, Арин.

— Зачем вы...

— Тихо, тихо, верь мне, — целую горячие губы, тяну руку между наших тел, трогаю нежные волосы. — Скажи мне лучше, больно киске?

Она качает головой, а я киваю и с улыбкой ее целую, подставляя член к сладкой щели. Вставляю медленно, помогая себе дойти до тугой стенки. Именно в нее толкаюсь сначала медленно, позволяя Арине привыкнуть, а потом сильнее, с каждым всплеском воды увеличивая темп.

И снова глаза в глаза, ни на секунду не обрывая контакта, чтобы увидеть, когда испуг и презрение сменится подступающим возбуждением, полным подчинением даже не мне, а собственному удовольствию... Но пока Арина как замороженная, но и я сразу не сдаюсь.

В комнате заставляю ее выпить еще вина и еще немного поговорить.

— Знаешь, в моей жизни очень не хватает этого, — курю в открытое окно, выглядывая из-за штор. Прекрасная ночь для прекрасной нимфы. Сама же Арина сидит на кровати, прижимая к себе одеяло, держа в другой руке бокал.

— Чего?

— Бескорыстия. Все девушки хотят от меня денег, а такой, как ты, я не встречал. Ты помогаешь бабушке, и это невероятно благородно. Мне кажется, если я и женюсь ко-

гда-нибудь, то именно на такой девушке. Чистой. С принципами.

Она хлопает ресницами, внимая каждому слову, и я вижу это в глазах. Расцветающую, как цветок, надежду. Надежду, что она окажется еще одной красоткой из популярного фильма. Надежду на счастливый финал с домиком и выводком.

Мы смотрим, друг на друга, не отрываясь. Я тушу сигарету в пепельнице и иду к кровати. Медленно, осторожно, словно спрашивая разрешения. Она теряется, когда тяну к себе одеяло, оголяя бледное тело со следами своих засосов. Прекрасное. Совершенное. Роняю себе подушку на пол и встаю на колени, двигая Арину на край кровати, сразу раздвигая ноги.

Сжимаю уже готовый член, подставляя к припухлым губам.

— Смотри, котенок, разве это не прекрасно?

Она молчит, но уже смелее заглядывает на стыковку, потом резко поднимает глаза.

— Что может быть правильнее секса двух половинок, нашедших друг друга в этом жестоком мире? Мы нашли друг друга, Ариш, и я сейчас очень счастлив!

Вот и все. Вот она, нужная эмоция, надежда, волнение и возбуждение, что помогает проникнуть во влагалище почти без труда. Я дергаю бедра на себя, вбиваюсь сразу и резко, принимаясь двигаться на износ. Прошу сквозь шумные выдохи.

— Обними, обними меня.

Она удерживается за шею, а я встаю и начинаю откровенно натягивать на себя девчонку, что с каждым движением стонет все громче.

— Карим.

— Да, да, кричи мое имя, думай обо мне, кайфуй со мной, — реву зверем, кидая шлюшку на кровать и разворачивая на живот. Никуда теперь не денется, будет кончать, как миленькая. Ставлю на четвереньки и вхожу сзади, потянув за волосы.

— Карим, это...

— Никакого стыда, Арин. Это только между нами. И ты невероятна хороша в этом!

Целую шею, кусаю кожу, трахая ее так, как и хотел. Жестко, грубо, сквозь крики и стоны. Нахожу пальцем комочек нервов, усиленно тру, чувствуя, как влагалище сжимается, не хочет меня отпускать.

Арина кончает красиво содрогаясь в моих руках, пока мну ее титьки, пока сам загибаюсь от желания кончить.

Глава 6. Арина

" Давай, котенок, покажи мне себя, покажи на что способна."

Его слова, вместе с собственными стонами все еще звенят в ушах, пока тело зудит после всего что он делал. Чему учил. Лежу на смятых, влажных простынях и не понимаю, как оторвать голову от подушки. Жду, что разбудят поцелуем, как он уже делал. Переворачивал меня, шептал нежности, брал к себе в объятия, все твердя, что лучше меня на свете нет.

Наконец открываю глаза, тру их, щурясь от яркого солнца, что бьет в окно. Смотрю по сторонам, но я одна. Наверное, Карим в душ пошел или насчет завтрака распорядится. Сажусь на кровати, подтягиваю одеяло на покрытую засосами и укусами грудь. Смотрю на дверь ванной, но там тишина, потом на входную, пытаюсь понять, надолго ли ушел Карим и как вести себя с ним после всего.

Стыд жжет щеки. С одной стороны, с ним было не страшно, даже правильно, а с другой, за одну ночь я попробовала то, что другие делают далеко не сразу. Было даже ощущение, что Карим торопится съесть все, что ему предлагают. Все виды блюд, словно впрок. Но его слова и намеки говорили о возможных отношениях. Он даже хотел бы познакомиться с моей бабушкой, а значит у него на меня большие планы.

Нет, я обязательно доучусь. Ведь не представит же он отцу

необразованную невесту. Я не хочу, чтобы кто – то решил, что я просто пришла на все готовое. Я буду стараться, буду расти до уровня Карима.

Но где же он. Почему так долго не идет?

Свешиваю ноги вниз, когда вдруг дверь открывается и входит женщина в костюме уборщицы. Я застываю перед ней, прекрасно узнавая тетю Раю, подругу бабушки.

Она тут же поджигает губы, подходя к кровати и начиная убираться. А меня тут словно и нет.

— Теть Рай, вы не знаете, где Карим.

— Не знаю я никаких Каримов, давай уже быстрее выметайся, мне ваш срам убрать надо.

Срам? Почему она называет это срамом?!

— Где Карим, он был тут.

— Да кого тут только не было.

В этот момент в комнату заходит Витя, я бросаюсь к нему.

— Вить, где Карим. Ему отъехать надо было?

— Пошли давай – толкает он меня к выходу, а я стою как вкопанная.

— Я не уйду...

— Пиздуй давай, надо быстрее домой! Там скотина не кормлена, а тот гандон опять набухался.

— Как! Он же обещал!

— Да, да, а ты поверила.

— Стой! — прошу, когда он протягивает мне мои вещи, в которых я сюда пришла. – Где Карим. Мне с ним поговорить

надо.

— Арин, ты реально дура или притворяешься? Карима этого ты больше никогда не увидишь! Он трахнул тебя, заплатил деньги и все. Ты же читала соглашение?

— Я читала, читала, но... — задыхаюсь в панике. Витя не понимает. Никто не понимает. — Он сказал, что я самая лучшая, он сказал, что хотел бы познакомиться с бабушкой, он говорил, что никто его не понимает, так как я! Мы будем вместе, понимаешь?!

Витя первые секунды смотрит на меня ошарашено, а потом начинает заливисто хохотать. И чем дольше он это делает, тем больший страх меня охватывает.

— Бля, а он умный конечно. Не просто трахнул, а еще сделал все, чтобы ты решила, что это не на один раз. Кончала с ним?

— Конечно не на один!

— Кончала?

— Это не твое дело. У него наверняка какие — то дела. Он не мог так, понимаешь? Не мог!

— Это же, как тебе надо было мозг запудрить. Арина, смирись, ты стала сегодня шлюхой.

— НЕТ! НЕТ! Я его найду, и ты увидишь! — толкаю его в грудь, одеваюсь. Он просто уехал по делам. Такой человек не может празднично шататься и разлёживаться. Хотя мог бы записку оставить. Но возможно он сейчас уже звонит мне. Ему не составит труда узнать мой номер.

— Где мой телефон?!

— Да держи, держи, — он продолжает ржать, как ржал, когда я поступила в Гнесенку. Придурок просто. Он судит Карима по себе. А Карим не такой. Он добрый, нежный, требовательный, одинокий. Я ему нужна, а он нужен мне.

— Ладно, ладно, я понял, только не истери. Поехали домой.

Я соглашаюсь и даю отвезти себя на такси домой. Гена валяется на диване, практически пуская слюни, а дома настоящий бедлам. Как можно было такое устроить за одну ночь для меня настоящая загадка.

— А что с бабушкой. Когда ее можно будет навестить.

— Думаю сегодня или завтра, — неопределенно говорит Витя, не смотря на меня. Помогает уложить Колю на кровать и накрыть одеялом. Я вечером с ним поговорю. Ну и короче... Поехал я.

Он уезжает, а я смотрю ему вслед, пытаюсь найти в себе силы покормить скотину и прибраться дома. Привычные движения, ничего необычного, но ощущение, словно я заторможена. Могу в какой – то момент встать и вспоминать лицо Карима в момент, когда он входил в меня, или наше отражение, когда он показывал, насколько красивым может быть мое лицо в момент оргазма.

Я задеваю взглядом зеркало, смотря на то, как покраснелись щеки, потом заглядываю в телефон. Он еще не звонит. Наверное, что – то действительно важное случилось.

День пролетел действительно быстро. Завтра мне нужно было возвращаться уже в город, выходить на работу. Когда будет свободное время, я обязательно попытаюсь встретиться с Каримом. Может он просто так и не смог найти мой телефон. Завтра приедет, а меня нет. Нужно ему подстраховать. Не буду же я как пава, и сидеть ждать. Нужно самой действовать.

— Арина, дрянь такая, где ты!? — закрываю стойло с коровами, когда слышу голос бабушки. Немного в шоке от ее обращения. Но это и не важно, самое важное, что она жива и здорова. Наверняка не захотел отлеживаться после операции. Надо может на завтра остаться, посмотреть за ней. — Арина!

— Бегу бабуль, бегу! — тороплюсь из двора и вижу ее на крыльце. Она стоит, грозная как туча, уперев руки в бока. Совершенно не похоже на то, что она лежала в больнице, тем более подвергалась каким — то манипуляциям. — Бабушка, ты вернулась!

Поднимаюсь по лестнице с улыбкой облегчения. Да уж моей бабушке с ее характером не одна смертельная болезнь не страшна. Наверное, смерть с косой убежала в страхе.

И все бы ничего, только в ее строгом взгляде нет ни капли прежней теплоты. Отчего по позвоночнику до копчика катится крупный ледяной шар.

— Бабу...

Резкий взмах руки и пощечина. Хлесткая, грубая, не жен-

ская. Моя голова поворачивается в сторону, и я тут же прикладываю ладонь к щеке.

— Я не понимаю, что ты...

— Шалава! – новая пощечина.

— За что!? — кричу в ответ. — Я ничего, ни с кем.

— Рая тебя видела! В публичном доме! Легких денег захотела?! Решила пизду свою продать?! Шаболда тупая!

— Бабушка, дай я все объясню! — кричу ей, а она снова и снова бьет меня рукой, а потом хватает веник, продолжая гнать на улицу. — Это было ради тебя! Ты заболела, нужны были деньги!

— Да лучше бы я сдохла, чем увидела, как моя внучка превращается в проститутку! Разве так я тебя воспитывала, неблагодарная ты сучка! Разве такому учила?!

— Бабуль, он женится на мне, он обещал забрать меня, все не так...

Новый удар и я валюсь с ног прямо голыми коленями на камушки. Слезы, сдерживаемые шоком и возмущением, льются по щекам бесконтрольно.

— Ты еще и тупая... Кто теперь на тебе женится, ты замарала себя, вывалилась в грязи как свинья. Весь город уже о тебе знает.

— Витя сказал... — не успеваю, бабушка заходит внутрь, оставляя меня в пыли и грязи, реветь от боли и несправедливых обвинений. Почему, за что она со мной так. — Бабушка!

Вою в голос и тут в поднятую от веника пыль падает моя

сумка. — Я хотела, хотела тебя спасти. Тебе нужна была операция, ты же...

— Хватит мне врать! Никакая операция мне была не нужна. Прокапали и отпустили. Легких денег захотела, а теперь оправдываешься?!

— Но мне... — я не понимаю, почему она так говорит. Почему она так со мной обращается. За что? Что я сделала?! --- Мне же сказали. Витя, он...

— Видеть тебя больше не хочу. Так меня опозорить. И это после всего... — она плюет на землю рядом со мной, как однажды плюнула на деда, которого выгнала за измену. Больше она его не пускала, даже имени не называла. Легко отказалась от тридцати лет жизни. Бабушка не прощает ошибок. Она не возвращается к былому.

Она даже слушать не хочет, оставляя меня лежать в пыли. Я реву в голос, еле поднимаясь, еле поднимая свою сумку. Калитку бабушка закрыла на замок.

— БАБУШКА! — ору я на всю улицу, чувствуя как что — то внутри рвется от боли. — БАБ..БАБУШКА! ПРОСТИ МЕНЯ! ПРОСТИ МЕНЯ!

Глава 7. Карим

— Карим Артурович, простите за беспокойство, там снова та девушка. Что ей ответить?

Секретарю уже неудобно, но она обязана сообщать о любых звонках. Даже от назойливых деревенских простушек, которые начинают раздражать своим вниманием. Неужели ей плохо дали понять, что та ночь все, на что она может рассчитывать?

Я тру глаза. Перед глазами проект новой транспортной развязки. Он отнимает много сил и времени, но я доволен тем, как он продвигается. Тем, сколько у меня появилось энергии после недавних событий. Надеюсь, сегодня получится отдохнуть, расслабиться.

Марина сказала, что нашла отличный ресторан с хорошей музыкой. Я, если честно, просто потрахался бы, но у нас очередное обсуждение приближающейся, как Титаник к айсбергу, свадьбы. — Карим Артурович?

Я поднимаю глаза и откидываюсь в кресле, смотря на свою строгую помощницу в своем неизменном сером наряде, делающей ее старше своих пятидесяти.

— Дарья Максимовна, я вам деньги плачу, верно? Так решите этот вопрос самостоятельно. Придумайте что — то, чтобы девушка больше не звонила.

— Командировка?

— Длительная, — снимаю пиджак с кресла и надеваю на себя. — И не беспокой меня больше по таким мелочам. Реши сама. Потому что мое решение тебе не понравится.

— Поняла. Хорошего вам вечера, — посылает она мне пожелание в спину. Не любит меня, боится, но и уйти уже не может. Слишком много привилегий, для нее и ее детей. В лифте я беру телефон и набираю Марину.

— Я освободился, сейчас заберу тебя.

— Отлично, я как раз заканчиваю. Ты скучал?

— Разумеется, — отвечаю так, как ей надо. — Скоро буду.

Убираю телефон в карман, как только подъезжает Альберт. Уже открывает дверь машины.

— Добрый вечер. Уже выбрали маршрут?

— Поехали за Мариной, потом в ресторан. Столик заказан?

— Да. Звонили тут эти деревенские, хотят вас шантажировать.

— Даже так. Быстро они.

Я уже жалею, что неделю назад поддался своей прихоти. Могут ведь и херню сделать.

— Разобраться?

— Ну, пошли парней, пусть потрясут их немного, чтобы больше рты не разевали. И девчонке пригрози, достала звонками.

— Понял.

Разговор о семье Балабановых всколыхнул в памяти отзывчивость котенка, как ее там зовут, Арины этой. Ее покор-

ность, ее красоту. Я бы повторил, но думаю, второй раз красивая история о несчастном одиноком принце не сработает.

Но стоило только подумать об этом, как на телефон поступает несколько важных звонков. От отца, что напоминает про скорый юбилей, потом от матери, что задает вопрос по свадьбе, потом от Жени, лучшего друга, что зовет расслабиться и оттянуться на Роза Хутор.

Одинок ли я? Нет, меня все устраивает. Но иногда даже такая рутина приедается и хочется эксклюзивного удовольствия. Теперь от Арины такого не получишь, второй раз девственности ее не лишишь.

К тому времени как я добираюсь до Марины, я успеваю поговорить со всем самым ближним кругом общения. Спросить отца о подарке, напомнить матери, что вопросы по свадьбе пусть решает с лучшей подругой, матерью Марины, а Жене напомнил, что у меня есть невеста, которая сильно ограничивает методы расслабления.

А вот и она. Уже на пороге офиса, в котором она числится дизайнером. А может и действительно работает. Тут мне сложно судить. Хотя вкус у нее отменный, тут не поспоришь.

На ней очередной стильный костюм, на этот раз лилового цвета. Он отлично смотрится с ее темными волосами.

Перед глазами возникает девчонка с остановки в джинсах клеш и вязаной кофте. Вот кому этот самый вкус еще развивать и развивать.

Марина легко проскальзывает в машину и целует меня в

щеку, почти не касаясь ее. Много губной помады.

— Знаешь, мама начала на меня давить.

— Моя тоже звонила.

— Так может, объявим день свадьбы? — она достает телефон, что — то набирая собранию своих элитных подружек.
— На юбилей твоего отца?

— Можно, — утыкаюсь в свой телефон, пока Альберт везет нас до ресторана. — Что там за кухня.

— Авторская.

— Звучит пугающе.

— Звучит стильно. Этого повара перекупили из Малазии.

— Только не говори, что мы будем есть тараканов.

— Ты ужасный сноб, знаешь? Иногда нужны эксперименты.

— Я сторонник традиционной еды. Надеюсь, у них такая найдется.

Марина закатывает глаза. Но выказать свое недовольство у нее не получается, мы как раз приезжаем в ресторан. Альберт нам открывают, и мы сразу проходим внутрь.

И могу сказать, что я не сторонник экспериментов, а мой желудок тем более. Ничего из меню меня не привлекает. Ничего не нравится.

— Ну, ты хоть попробуй!

— Принесите мне стейк.

— Но у нас не готовят стейк, — улыбается официант, а я поднимаю глаза от меню, в котором черт ногу сломит.

— Значит, сегодня вы сделаете исключение.

Официант резко кивает и тут же уходит. Марина немного морщится, но смотрит на меня с восхищением.

— Обожаю когда ты такой.

— Какой.

— Властный. Тебе сразу хочется подчиняться.

Подчиняться. Это не про Марину, это про Арину. Главное не перепутать в ответственный момент. Да будет это сложно. Они настолько разные, насколько могут быть разными гоночный неуправляемый болид и полноприводный Порше, управление которым доставляло нереальное удовольствие.

Нужные слова, нужные кнопки и Арина буквально растворялась в желании доставить мне удовольствие, подставить ту дырку, что я попрошу. При этом ей не нужно было по три раза поправлять макияж или менять постельное белье.

Наше с Ариной постельное белье было грязным, смятым, запачканным, но на нем я спал как убитый. Впервые за много лет.

— Карим, ты со мной?

— Разумеется, милая, — беру ее руку и целую тыльную сторону ладони. — Так что там со свадьбой? Число гостей снова меняется?

— Да, каждый раз кого — то вспоминаем или знакомимся. Ну, ничего, это не помешает нам.

— Ну, разумеется, нам ничего не может помешать, — тяну ее за полы пиджака к себе, а она верещит.

— Карим, ну господи, это Армани. Что за варварство, — отряхивает она пиджак, а я завожусь с пол оборота. Встаю, бросая салфетку.

— Ты чего?

— Мы едем домой.

— Ну нет, это не вежливо. Да и не поела я еще.

— Дома поешь.

— Ты обиделся? Но пиджак и, правда, дорогой.

— Дороже наших отношений?

— Да что с тобой, — семенит она за мной, пока веду ее к машине. — Тебя раньше все устраивало.

— Ты скоро станешь моей женой, Марин. Будь добра хотя бы на людях делать вид, что в нашей семье я буду главным, а не твоим очередным аксессуаром к сумочке.

— Знаешь, мне кажется, нам нужен психолог. Запишу нас завтра, — садится она в машину и уже заказывает еду домой из моего любимого ресторана. Задабривает.

— Тебе лепешку по-аджарски? — строит она глазки. — Или может быть минет?

— Альберт закрой перегородку, нам с Мариной надо обсудить важный вопрос по меню.

Перегородка еще не успела закрыться, а Марина уже умело достает мой вставший член.

Жесткое дежавю и заплаканные глаза, словно передо мной. Я не ждал, когда она наиграется игрушкой, я просто толкал ее голову на свой член, смотря, как она давится чле-

ном и слюной.

— Карим! — отталкивает меня Марина. — Что за варварство... Ты порнухи обсмотрелся? Или убить меня решил?

— Просто жду, когда ты закончишь облизывать и начнешь нормально сосать.

За год наших отношений полностью в рот она так и не всунула.

— Знаешь, что, раз тебя мой минет не устраивает, то обойдешь и без него.

Квартира, в которой мы с Мариной живем, встречает нас свежим ароматом ванили. Привычный и несколько раздражающий, словно не квартира, а шоурум.

Я бросаю ключи на тумбочку и сразу иду в кабинет. Марина молча провожает меня взглядом. Такие ссоры у нас не редкость. Прелесть наших отношений в том, что нам даже разговаривать не надо. Завтра мы оба сделаем вид, что ничего не было.

Только сажусь за ноут, как она стучит в дверь кабинета и тут же заглядывает.

— Женя с Олей сейчас приедут. Ты не занят?

Усмехаюсь про себя. Не вырвался мужик сегодня на свободу и тусит с невестой.

— Ну и отлично. Будет, кому пожаловаться на мое варварское поведение? — перевожу от заставки ноута взгляд на Марину. Она тут же поджигает губы, делая максимально оскорбленный вид. Порой кажется, что каждое выражение

лица она несколько лет отработывала перед зеркалом. Даже интересно бывают ли у нее искренние эмоции. Как например у Арины... Та была как открытая книга – это ведь не интересно, верно?

— Я на тебя никогда не жалуюсь. Сначала дождусь, когда мы поженимся, — дарит она мне улыбку, демонстрируя какой мудрой женой она будет. Ну, умница же.

Я маню пальцем ее к себе, и Марина тут же падает ко мне на колени, обнимает и целует в губы. Вроде дома, а макияж так и не смыла, судя по заметной штукатурке.

Обнимаю руками талию, веду выше, к аккуратной двоечке, обратно к бедрам, еле прикрытыми халатиком. Тут же его приподнимаю, чтобы оголить нужные части тела. Она дает к нему доступ очень аккуратно, как по инструкции. Словно, если я возьму сразу все — мне станет неинтересно.

Словно я сразу откажусь на ней жениться. И как бы я ее не убеждал в обратном, она стоит на своем.

Дело в том, что мне уже тридцать, а она продолжала ждать, когда я нагуляюсь, снова и снова давая понять, что любит и готова идти со мной рука об руку на протяжении всей жизни. При этом, не бросаясь в постель каждого встречного. Даже если и было что – то, то настолько аккуратно, что об этом никто не знал. Хотя она и не скрывает от меня, что были попытки построить жизнь без меня, пусть и неудачные. После двадцати пяти она решила ждать только меня.

Это не может не льстить.

Наши родители общались всегда, но заметил я ее лишь, когда ей исполнилось восемнадцать. Мне было, на тот момент, двадцать три и о браке я не думал. Но чем старше становился, тем больше понимал, что в нашем окружении лучше нее мне не найти.

Мудрая, с хорошим вкусом и образованием, и в будущем, готовая подарить мне пару ребятишек. С такой не стыдно появится на приеме иностранных делегатов, с такой приятно лечь в постель, она не позволит себе плохо выглядеть даже спустя двадцать – тридцать лет.

Я медленно и нежно трахаю свою невесту, именно так, как она любит. Обращаюсь словно с целочкой. Ускоряясь только в последний момент, когда мозг тут же перестает нормально функционировать. Еще пара рывков внутри и шумно выдыхаю ей в шею.

— Арина....

Торможу, тут же стаскивая Марину с себя, сразу обтирая себя салфеткой. Марина встает, поправляет свой халатик и откашливается после стонов.

— Как ты меня назвал?

— Марина.

— Арина.

Первую секунду перевариваю это имя ее голосом.

— Тебе показалось, — спокойно выдаю я, пытаюсь вспомнить в какой момент мой мозг решил сыграть со мной злую шутку. Арина тоже трахала меня сверху, только выглядела

иначе.

Смотрела на меня как на бога, держалась крепко за ладони, работала белыми бедрами ровно, так как мне надо.

Я не жалел ее, выбивая стоны яростно и жестко.

— Я сказал, Марина.

— Скорее всего, — берет она салфетку, целует меня в щеку и идет к выходу. — Они будут через пол часа. Закажу пока еду. Тебе мясо или рыбу?

— Мяса, — уже смотрю в ноут, но вместо того, чтобы открыть проект, нахожу на почте документ с досье Арины. Перед глазами тут же ее фотография. Бледное лицо, тонкие скулы, светлые глаза и волосы. Откровенно ничего общего с тем как она выглядит вживую... Увидев фотографию последнее желание, которое возникло бы — это трахнуть. Скорее накормить. Медали, грамоты, благодарности. Девочка явно не сидела без дела, много училась. Так чего она ко мне прицепилась и хочет встретиться вместо того, чтобы продолжать спокойно жить. Неужели ей не объяснили, что все закончилось именно там. Одна ночь, полный набор удовольствий, все щели, без ограничений. Очевидно, что соглашение до конца она так и не прочитала.

Нахожу ее социальную страницу. Пятнадцать друзей, да и те одноклассники. Одна фотография, как и в досье, еще одна в отвратительном концертном платье. Как будто с чужого плеча. Не удивлюсь, если бабушкино.

Может сжалиться над ней, взять, так сказать за девочку

ответственность. Вряд ли Марина будет против любовницы. Ее родители давно живут в свободном браке. Да и большинство наших знакомых. Наверное, кроме моих родителей. Хотя я никогда не уточнял.

Звоню отцу, пока снимаю галстук, рубашку и все бросаю в стирку. Выхожу на балкон в одних штанах. Смотрю на город, заботливо укрытый сумерками сверху и ярким светом по низу.

— Созванивались вроде сегодня. Все нормально? — отец как обычно переходит сразу к делу. Никаких нежностей или бесполезных разговоров. Каждое его «нормально» как высшая похвала.

— У тебя есть любовница?

— Что за вопросы? Вы не успели с Мариной еще пожениться, а ты уже думаешь о любовницах?

— То есть, да?

— То есть, нет.

— Я знаю, что ты любишь маму, и она тебе подходит, но неужели никогда не было соблазна...

— Я могу творить много разной херни, но одного не допущу точно. Не потеряю Диану. А если ты хочешь изменить, значит, мысленно готов отказаться от отношений и войти в другие. Значит, эти отношения для тебя ничего не значат. Так что тут решать тебе.

— Я понял. Спасибо, что ответил.

— Ну а как иначе. У тебя завтра конференция, да?

— Хочешь прийти?

— Да, если сдвину пару встреч, то появлюсь. Марине привет.

— Передам, — отвечаю и выключаю телефон. Кидаю взгляд на экран, на фотографию Арины и легко удаляю досье. Марина мне отлично подходит, она та, кто будет со мной несмотря ни на что. Мне не нужна правильная девочка, мне нужна женщина, которая в случае чего поможет спрятать труп.

После удаления в голове неожиданно легко. Просыпается энергия, вдохновение и я принимаюсь за работу, продумывая каждую деталь новой магистрали. Через полчаса, как и предполагалось, пришли Женя со своей невестой Дилярой. Пока девчонки обсуждали дела свадебные, мы с Жекой пошли сыграть партию в бильярд.

— Твой отец решил в этот раз с размахом отпраздновать? Пять лет назад никого вроде не приглашал.

— Тогда мама болела. Он же помешан на ее здоровье.

— А сколько они получается уже вместе?

— Чет дохрена. Они еще до моего рождения с самой школы встречались вроде.

— Даже не знаю, есть ли вообще такие примеры, кроме наших предков. Сплошные разводы вокруг.

— Да возможно, если общие интересы найти. Ты Дилярой доволен?

— Вполне. Красивая, умная, в постели может. Да и пред-

кам нравится. Это ж самое главное.

— А как же эта самая, любовь?

— Как по мне так она заканчивается недели через три, когда все дыры освоены, — забивает он шар в лузу. — Хотя у моих любовь. Но может дело в препятствиях, которых у нас с Дилярой и не было. Познакомились, потрахались, стали жить вместе. Даже поссорится толком не получается. Вот у моих там история прям.

— Ты не рассказывал.

— Да я сам недавно узнал от Тихона. Я даже не знал, что у него другой отец. Мама замужем была, познакомились в процессе развода. Соседями даже были. Короче папа добивался маму, а потом Тихона усыновил, помог с мужем разобраться.

— Плюс та авария, думаю, тоже сплотила.

— Согласен. А у нас какие трудности? Выбор ресторана? Мы смеемся, тут не поспоришь.

— Звал ее в поход. Помнишь, как мы семьями ходили, когда маленькие были.

— А она чего? Марина точно бы отказалась.

— Так и Диляра такая же. Чисто городская чика. Вот Тихон себе деревенскую нашел. Но я не знаю. Он, конечно, ее отмыл, почистил, но говор этот.

У Арины не было говора. Хотя она учитель, может поэтому.

— Карим? Ты чего завис?

— Про музыку думаю, чего мы в тишине сидим.

— Точно, — он включает его любимого короля и шута, а я думаю о том, будет ли еще Арина пытаться до меня дозвониться или поймет, что это бесполезно. Мы живем в параллельных вселенных, и они пересекаться не должны.

Отличный вечер подходит к концу, Женя и Диляра уходят, а мы с Мариной, наконец, укладываемся. Я смотрю как она перед зеркалом наносит кучу кремов, чтобы кожа сияла и почему-то думаю, что Арина не знает таких марок и названий, но, тем не менее, ее кожа была как бархат. Во всех самых потаенных местах. А вместо волос, которые Марина уже давно убрала лазером, тонкий, светлый пушок, который не напрягал, даже когда я ей отлизывал.

Хрен знает, зачем я вообще это сделал. В тот момент крышак тек, а башка не работала. Просто захотелось. Ее захотелось.

— О, ты уже готов, так завел мой вечерний ритуал?

— Естественно, о чем я еще могу думать, кроме тебя и твоих губ, — подминаю ее под себя, целую щеку и чувствую, чертов крем. Разворачиваю ее спиной и, оттянув волосы, прижимаюсь стояком.

Я не буду заводить любовницу, меня все в Марине устраивает.

— Только волосы сильно не тяни, — просит она, вызывая раздражение, но я глотаю его, снимаю шелковые шорты и натягиваю сочную пизденку на себя. Стараюсь мыслить здра-

во, не вспоминать, не произносить запрещенных имен. Выверенные движения, чтобы Марина поскорее кончила и тут же довела до оргазма меня.

Пока принимаю душ, прижимаюсь башкой к кафелю, понимая, что не отпускает. Надо еще разок. Просто понять, что ничего там в этой Арине нет особенного. Правильно Жека сказал, сколько ее не отмывай, деревню не смыть.

И в любовницы не стоит, а вот еще раз встретиться, навешать лапши и трахнуть – можно.

Очередной подъем адреналина в крови при мысли, что еще раз ее увижу, не дает лечь в кровать.

— Ты куда? — Марина зовет из постели.

— Поработаю. Муза напала.

— С утра могу еще раз напасть, чтобы работалось лучше.

— У меня идеальная будущая жена, — подмигиваю и закрываю в спальню дверь. Иду в кабинет и еще часа два плодотворно работаю. А еще параллельно смотрю, где там ее вуз и общежитие, в котором она живет.

Если она пытается до меня дозвониться, то верит, что мои намеки правда и она та самая. В принципе на этом и сыграем. А когда все закончится дам понять, что между нами ничего быть не может. И она успокоится, и я буду жить дальше.

Глава 8. Арина

Несколько дней назад

До остановки ковыляю. Перебирая в голове все, что сказала бабушка. Не понимаю, почему она так со мной? Я ведь хотела ее спасти. Хотела ей помочь. И, наверное, если бы не мысли о Кариме, о том, что мы будем счастливы, я бы легла прямо тут и умерла. Ничего, ничего, вот увижу Карима, приведу его к бабушке, и она отгадет. Поймет, что я не проститутка. Что я не опозорила ее. А братья... Я не знаю, чего они добивались, наводя на меня напраслину. Но я обязательно втащу им, как только увижу.

Почти у самой остановки мой телефон начинает пиликать. Я тут же бросаю рюкзак на землю и начинаю рыскать среди бардака, что устроила, запихивая брошенные вещи. Наконец, нахожу телефон, но на нем не неизвестный номер, а всего лишь моя соседка по комнате Людка. Я со вздохом отвечаю. Так просто она никогда не звонит.

— Привет, Ариш, ты еще в своей деревне?

— Да. Что случилось?

— Да я только после вечеринки. Купишь минералочки?

— У меня нет...

— Спасибо, пока.

Бросаю телефон в карман и плетусь к остановке. Залезаю

в автобус, машу водителю дяде Роме, а он только усмехается, глядя на меня.

Все тело сжимается от стыда и страха, по коже расползаются мелкие мурашки. Он тоже все знает? А кто еще? Неужели тетя Рая всем растрепала? За что она так со мной? Почему не могла промолчать? И это при том, что ее собственная дочь уже третьего мужа меняет, а детей бросает на нее. Глотаю слезы, прижимаясь к окну. Постепенно автобус заполняется людьми, но место рядом со мной пустует. Все обходят меня, шепчутся, словно я прокаженная. Но я же просто хотела спасти бабушку! Я сделала все правильно! Я им всем докажу. Они все еще узнают меня, когда я стану женой сына президента. Потом еще будут лицемерно улыбаться мне в лицо, но я никому руки не подам. Никому!

Кресло чуть скрипит, а до меня доносится запах алкоголя. Рядом садится наш местный алкаш дядя Альберт. Даже женщина с ребенком не стала со мной рядом садиться.

Ну, и пускай. Боится, что ее ребенка заражу микробами проституции?

У меня много всего в жизни было. И ссадины, и перелом руки. Но, ни одна физическая боль не сравнится с душевной, когда внутренности словно выворачиваются наизнанку, а слезы текут нескончаемым потоком, словно кровь из незаживающей душевной раны.

Я докажу. Всем докажу.

По приезду в город я иду в банкомат и обнаруживаю, что

денег на карте почти нет. Понятно, я же все братьям отдала. Я даже не знаю, чем точно она болела. Делали ли ей операцию? А спрашивать у брата и не хочется. Не после такого предательства.

Покупаю минералку и захожу в общежитие. Улыбка нашей вахтерши баб Вари немного настораживает. Но она знать ничего не может. Никто здесь. И резко становится легче.

В комнате соседка лежит в одном белье. Судя по всему, ночь у нее была столь же бурная, как моя. Раз она до сих пор отсыпается.

— О, Аришка, моя спасительница. Не дай помереть.

— Держи, — отдаю воду, а сама падаю на свою кровать. Долго смотрю в потолок, на котором уже лежат закатные тени. Жмурюсь, вспоминая красивое лицо Карима, его голос, его руки. И не только руки. Это придает сил, не позволяет сдаваться. Просто непонятно, почему он так долго не звонит? Значит, надо позвонить самой. Я беру ноут у Люды, сразу находя информацию о его рабочих контактах. Сегодня уже не позвонить, но завтра я обязательно наберу этот номер. А если надо, то приеду.

В моей голове тут же возникает картинка, как Карима держат в темнице над высоким обрывом, и мне нужно его спасти.

— Эт кто? Ого, наш принц. Чего это ты им интересуешься? Хочешь на его кожаной флейте подудеть? Я бы подудела.

Жаль, что фоток мало.

Не буду комментировать слова Люды. Ей бы только подудеть. А у нас настоящее чувство. Но она права, фотографий и, правда, мало. Только с мероприятий, рядом с отцом, матерью, братом и младшей сестрой.

Они такие все красивые. Разве что кроме самого главы семейства. А вот глаза у мужчин похожи. Разрез и тяжесть. Когда вчера Карим первый раз на меня посмотрел, я сильно смутилась. Только под утро смогла спокойно разговаривать с ним, даже шутить и выполнять пошлые просьбы без стыда и стеснения. Потому что уже тогда понимала, мы созданы друг для друга.

Я верю в любовь, верю в Карима и его слова, верю, что единственная. Но с каждым: «Он не может вам ответить», — моя вера иссыхает, как река в жару. Я перестаю искать оправдания такому поведению и начинаю чувствовать, что все зря, что каждый звонок и визит в его компанию бессмысленны.

Все валится из рук. Бабушка не отвечает, братья где-то пропали, а меня спасает лишь подготовка к концерту на день города. Когда я играю на рояле и пою, все мысли меркнут, перед глазами расстилается лишь водная гладь, где на лодке ко мне плывет мой принц. Мой Карим.

— Арин, это прекрасно, — садится рядом мой преподаватель, Константин Дмитриевич. — Но ты будто не здесь. Да и сбилась пару раз. Все нормально у тебя?

— Простите, сплю плохо. Еще раз?

— Уже звонок был. Но если хочешь поиграть еще, у меня дома есть отличный рояль.

— Да, я помню. Спасибо большое. Побегу. На работу опаздываю, — улыбаюсь взрослому наставнику, замечая вдруг тот блеск, что видела в ту ночь в глазах Карима. Глупость, не станет же преподаватель вожделеть студентку? Даже думать о таком стыдно. — До свидания.

— Может, подвези тебя?

— Нет, нет, тут все близко.

Выбегаю из аудитории, натываясь взглядом на Алю, мою одногруппницу. Мы обычно вместе везде ходим, но я последнюю неделю сильно занята.

Она преграждает мне путь, убирает с лица рыжие волосы и прищуривается.

— Опять убегаешь?

— Работа, сама знаешь, — пожимаю плечами. На автомате смотрю в телефон. Вдруг звонок Карима или его секретаря пропустила.

— А может, расскажешь, куда ты все время звонишь? Такая таинственная стала.

Я бы хотела, но до сих пор помню реакцию бабушки. Теперь, пока я не увижусь с Каримом и не буду уверена, что мои планы и мечты не плод моего воображения, я ни с кем делиться не буду.

— Все скоро сама узнаешь, — улыбаюсь ей и хочу пойти в

сторону выхода, но вспоминаю о концерте. — Аль, а ты меня наклеишь? Завтра.

— А, теперь я тебе понадобилась? Чувствую себя использованной.

Я тоже все чаще так думаю про ночь с Каримом, но не хочу в это верить. Не хочу!

— Ну, извини. У меня правда в жизни все кувырком. Да и денег на твои кафешки нет.

— Я могу за тебя заплатить, помнишь?

— Помню, но мне стыдно.

— Накрашу, если после репетиторства мы где-нибудь посидим. За мой счет.

— Я не понимаю, у тебя же полно подруг.

— Да что эти подруги? Они слушать не умеют, а мне надо с кем-то поделиться.

— Ну, и кто кого использует? — тарашусь на нее, а она звонко смеется.

— Так мы договорились?

— Да.

Как и договаривались, после занятия с одним талантливым мальчиком, я иду с Алей в кафе. И мы не можем пойти в простое, нет. Мы садимся в ее новенький порш и едем в дорожее место. И впервые за несколько месяцев нашего общения я не бурчу, а рассматриваю интерьер, вышколенных официантов, не цены, а само меню. Ведь если Карим возьмет меня замуж, то посещение таких мест станет для меня такой

же обыденностью, как для Али Самсоновой.

— Ты сегодня не ворчишь даже, — забирает она у меня телефон, в который я по привычке смотрю. Ну почему он не звонит. Может ему запрещают? Отец, например, узнал о нас и не хочет огласки. Эта идея кажется вполне себе реальной. Ведь кто я по сравнению с Левицкими по сути? Дворянка?

— Да сколько можно ворчать, — поднимаю глаза на Алю. Интересно, а как сделать волосы такими же блестящими. А макияж? Много времени она тратит на него. — Да и место и, правда, красивое.

— А еще тут очень вкусный твой любимый наполеон. Но сначала давай просто поужинаем. Такое ощущение, что тебя скоро ветром снесет.

— Ничего, мои буйки не позволят мне далеко улететь.

— Твои, — она опускает взгляд на мою грудь и громко хохочет. — Черт, да, про них-то я и не подумала.

— Просто завидуешь, — улыбаюсь я и погружаюсь в меню. На цены стараюсь не смотреть. Так что заказываю себе полноценный обед и тот самый наполеон.

— Конечно у меня такой груди нет, — говорит Аля после того как официант уходит. — Может поэтому наш профессор не смотрит на меня, а постоянно делает авансы тебе.

— Профессор? Ты шутишь? Он просто добрый.

Аля откидывается на спинку белого кресла и смеется.

— Ну, какая ты наивная, господи. Ощущение, что вот — вот выскочит единорог. Он запал на тебя, поэтому завтра из

всего потока именно ты выступаешь на концерте.

Я качаю головой, не хочу думать о том, что мое выступление результат не моих трудов, а лишь способ уложить меня в постель.

— Я не буду тебя убеждать, Ариш, просто завтра не ходи с ним никуда.

— Я и не планировала.

— Ты может и не планировала, а вот он наверняка тебе что – то подсыплет в шампанское, которым уже опоил не одну студентку.

— Господи, что за ужасы! Тогда почему у него учится столько народу?! Почему он еще не в тюрьме?

— Ну, менее талантливым это его не делает. Да и доказать это все довольно сложно. Просто не хочу, чтобы оказалась на месте других обманутых девушек. Мужчинам это свойственно – обманывать ради того, чтобы затащить в постель.

«Ты самая необыкновенная» — звучат в голове слова Карима. — «Я никогда не встречал таких, как ты»

— И как ты живешь, постоянно ожидая от всего подвоха.

— Я не ожидаю, я просто запрашиваю досье, чтобы потом не стать обманутой вкладчицей, — смеется она. — У нас богатая семья, так что меня научили как видеть людей насквозь.

— Наверное, это хорошо.

— Неплохо. Наверное, если бы не эти знания, я была бы такой же наивной как ты.

— Так говоришь, словно это порок.

— В наш век, пожалуй, недостаток. Хорошо, что у тебя есть я.

Мы смеемся, хотя новость о профессоре меня расстроила. Мне он нравился, он говорил правильные вещи, часто упоминал Бога. Неужели его низменные желания преобладают?

Низменные, да... Такими они мне и самой казались до встречи с Каримом. Но он показал, что бывает, когда они обоюдны, когда между двумя нет стеснения, есть только удовольствие.

— Так, сейчас познакомишься с моими подружками.

— Ты их не любишь?

— У нас родители дружат, и мне приходится с ними общаться, но ты права — не очень люблю, — уже шепчет она мне.

— Аля! — слышу мелодичный голос, на который подруга сразу встает и обнимает темноволосую девушку, а потом вторую, крашеную блондинку с каре. — Ты прям вся в учебе.

— Марина, Оля, рада видеть. Ну не всем же ставить своей целью замужество.

— Ты просто еще не встретила своего принца, — усмеивается эта Марина ничуть не обиженной. Потом пытливо смотрит на меня. От взгляда этой особо королевских, не меньше, кровей хочется чуть ли не поклониться. Примерное такое же ощущение у меня было с Каримом в первые полчаса.

— Ариш познакомься с Мариной и Олей. Марина дизай-

нер, хотя сейчас проектирует собственную свадьбу. А Оля таролог, да?

— Добрый день.

— А это как, таролог?

— Она по картам может всю судьбу твою рассказать.

— Меньше скептицизма, Аль.

Они бесцеремонно садятся за наш столик.

— А вы Арина откуда такая... — она осматривает меня с головы до ног. — Невинная.

— Учусь вместе с Аллой.

— А завтра наша Арина будет петь и играть на фортепьяно на дне города.

— О, как здорово. Обязательно посмотрим.

Глава 9.

Мне некомфортно в этой компании. Они говорят о вещах, в которых я ничего не понимаю, да если честно пока и не хочу. Мне уже хочется уйти и я даже собираюсь, все прошу внимания Али. Но она настолько поглощена взаимным стебom с этой Мариной, что даже не замечает как я отошла в туалет. Особенно когда пришла их третья подруга Диляра.

Где-то в глубине души, а может не в глубине, мне стало обидно, что уже минут десять она не ищет меня глазами. Но радуется, что стоит начать пробираться к выходу, как она звонит. С улыбкой смотрю на входящий и случайно натыкаюсь, на что то твердое. Поднимаю голову, чтобы извиниться перед высоким темноволосым парнем, а он вцепляется мне в плечи и хмурится, рассматривая меня.

— Мы нигде не встречались?

— Нет что вы, — выбираюсь из рук и иду к выходу, чувствуя спиной, как он и дальше наблюдает. Уже на улице отвечаю Але, но голос слышу рядом. Резко оборачиваюсь, она тут. Догнала. Приятно.

— Ты куда пропала?

— Мне домой надо, у нас скоро курсовые. Нужно подготовиться к защите.

— Не понравились тебе мои подружки. Впрочем, мне они тоже не очень.

— Зря ты так. У вас интересные отношения. Стеб, подтрунивание. Это признак близости.

— Они как родственники, которые приехали издалека, которых не выгонишь.

— Но они родственники. Ближе сложно представить.

— Ну, всякие бывают. Типа твоих недалеких братьев. Чего мы встали, пойдем.

— А как же подружки?

— Ой, там Женя Садыров пришел, ничего кроме выделываний перед ним от девчонок, я не увижу. Он парень Диляры, — поясняет Аля. — Хотя должен был стать моим.

— Как это?

— Родители нас все детство сватали. Ну, знаешь, женихом и невестой даже называли.

— А вы? Встречались?

— Ну, он все детство дразнил меня, потом стал кабелем, а потом бегать и контролировать его, мне не улыбается. Диляру вон устраивает. Марину тоже. А я другого хочу.

— Чтобы верный был?

— Да, как мой папа. Они с мамой душа в душу живут. И мои бабушка с дедушкой. И даже дядя с тетей. Да почти все! Блин, иногда, кажется, что живешь в какой — то утопии, а потом выходишь в реальный мир, где сплошные подонки и кобели.

— Не все такие, просто ты еще не встретила своего принца.

— А ты встретила? — резко переключается она. Мы стоим на набережной. Аля пытливо ждет ответа, — поэтому ты в телефон все время смотришь. Расскажи!

— Пока не могу, извини. Счастье, особенно такое, тишину любит.

— Ну ладно. Дело твое, хотя знай, я в обиде.

— Когда все решится, ты первая обо всем узнаешь, обещаю.

— Это уже неплохо, хотя ты меня дико заинтриговала. Красивый хоть?

— Безумно. Самый красивый мужчина.

— Мужчина? Он старше?

— Все, не пытай меня, — ухожу немного вперед, но потом все равно получаю очередь вопросов, на большинство которых не могу ответить. Аля не обижается и уверена, что завтра Карим появится. Мне плохо в это верится, но я не теряю надежду. Верю в его слова, в его руки. Верю, что я не была для него проституткой на ночь, потому что если даже на миг задумаюсь об этом, то погружаюсь в беспросветную тьму отчаяния и боли.

На следующий день Аля как следует готовит меня к мероприятию. Я просила только макияж, но она притаскивает в общежитие, какое то нереально красивое платье, насыщенного зеленого оттенка. С вырезом до середины бедра и открытой спиной. Я долго отказываюсь выйти в нем из комнаты, но особенно когда посмотрела, что с моим лицом сдела-

ла Аля. Это была не я. Другая девушка, красивая и статная.

— Я не могу так. Это не я.

— Это ты. Ты настоящая. Неужели тебе не хочется, чтобы твой мужчина увидел тебя такой?

На миг закрываю глаза, представляю, как меня в толпе видит Карим, как тут же ведет отцу и просит дать нам шанс быть вместе. Тогда я была просто деревенской девушкой, а с сегодняшним концертом у меня есть шанс стать достойной его семьи. Его самого.

— Ты права. Мне очень хочется, чтобы он увидел меня такой.

Аля и сама отлично выглядит, хотя сегодня играет на ряду с другими скрипачами.

В концертном зале мы появляемся за час. Я сразу чувствую себя неуютно от посторонних, настырных взглядов.

Но все меняется, когда я сажусь за рояль, мир исчезает, когда я начинаю петь.

Теперь для того, чтобы он меня услышал.

Музыка льются из под моих пальцев. Музыка слово адреналин течет по крови. Мой голос звонкий, надрывный, зовущий того единственного, кто снимет с меня клеймо шлюхи и наденет статус своей жены. Я верю, верю, он не обманет.

Продолжаю петь, в какой-то момент смотрю в зал. Из-за софитов ничего не видно, но в какой-то момент я почти тактильно ощущаю на себе взгляд. Обжигающий как клеймо. Карим здесь. Он пришел! Он следил за мной и знал, в какой

момент появится!

Зал взрывается аплодисментами. Я выхожу поклониться и получаю букет от своего преподавателя, который называет меня восходящей звездой.

После моего выступления зрителей ждет еще целая концертная программа, а меня ловит наш преподаватель. В голову сразу приходят слова Али о его наклонностях. Но сейчас в такой толпе он явно проявить их не сможет?

— Арина, девочка моя, вы были великолепны. С вами хочет познакомиться один менеджер. Я говорил вам, что у вас большое будущее? — он буквально тащит меня в коридор, где очень тесно из-за людей ожидающих своего выступления.

— Прямо сейчас?

— Да, да, вот он.

— Вы очень талантливы...

— Настоящий алмаз, но нужна тонкая огранка, — знакомит он меня с седовласым довольно известным композитором, но я не могу слушать, не могу дышать, потому что за их спинами оказывается тот, кого я так сильно жаждала увидеть.

Глава 10.

— Вы Петр Сергеевич, совсем девушку засмущали.

— О боже, — преподаватель разве что за сердце не хватается, когда к нашей троице подходит Карим, при этом смотрит на меня, иногда в вырез платья. — Карим Артурович, какая честь. Наслышан про ваш проект, это так облегчит жизнь горожан. Удивительно вас тут увидеть! Вы любитель музыки?

— Только самой искренней. Ваша ученица?

— О да. Ариночка, познакомься, это сам Карим Артурович, сын нашего многоуважаемого президента. Петр Сергеевич, вы же знакомы?

Продюсер тоже жмет руку Кариму.

Я не двигаюсь, не могу даже, кажется, дышать. Я столько времени провела в мечтах о нем, что кажется, не могу даже поверить, что вижу так близко. Руку протяни и почувствуешь его, чуть шершавую ладонь.

Он сжимает мою крепче, чем надо, словно говоря, что он рядом, что никуда не делся, что думал обо мне все это время.

Его глаза горят огнем, который я так часто вспоминала.

Карим, мой Карим прямо здесь. Хочется закрыть глаза и завизжать от радости! Но я держу марку, стараясь не подставлять его. Думаю, место нашего знакомства для общест-венности должен стать этот концерт, а не притон в области.

Карим кивает, и я без слов понимаю, что мне нужно отойти, чтобы потом встретиться с ним. И я бы выполнила его ментальный приказ, но не могу... Не сейчас, не после столь томительного ожидания.

А если его снова у меня заберут?

Если он снова будет занят?

Не могу двинуться с места, на что Карим реагирует чуть двинувшимися желваками. Дает понять, насколько недоволен. Возможно даже захочет наказать меня, как сделал это тогда, когда положил через колено и отшлепал, когда я плохо сделала минет.

Никогда я не думала, что мне может такое понравиться. Но с ним, я поняла, что мне нравится все, чему он захочет меня научить.

— Так у вас планы на юную особу? – вдруг спрашивает он после короткого обмена любезностями. Это выводит меня из транса. – Думаете, у нее есть будущее?

— С таким голосом и данными? Вне всяких сомнений. Выциник, как я слышал, но меня не переубедите. Верно, Петр Сергеевич?

— Верно. У Арины большое будущее.

Я не сразу осознаю, что обсуждают они меня так, словно меня тут нет. И я не могу понять, почему Карим так пренебрежительно говорит о моем голосе и данных. Ведь он слышал, как я пою, как играю на фортепьяно.

— Я считаю, что она не формат для современной эстрады.

А для театра ее голосу не хватает глубины...

— Зачем вы... — пытаюсь встрять, но меня перебивают.

— Не переживай деточка, ну что может архитектор в этом понимать, — встает напротив продюсер, чуть возвышаясь над Каримом за счет своей тяжести. Защищает меня? Но почему меня нужно защищать от Карима?

Обида застревает в горле. Мне глубины не хватает? За что он так со мной?!

Я стою на месте, сжимаю кулаки, чувствую, как краска льнет к щекам.

— Я понимаю лишь то, что в ее внешний образ придется очень много вложить. Косметологи, хирурги, звуками, не говоря о довольно нестандартной фигуре.

— Я лучшая на курсе, причем тут моя фигура! — пытаюсь вставить слово, но меня снова перебивает Карим.

— Этого недостаточно, чтобы стать известной. Максимум, что тебя ждет с твоими титками, которые тоже придется приподнимать хирургу — это постель Петра Сергеевича. Но возможно на это и расчёт, м? — он резко смотрит на продюсера. — А потом обязательно поделится с профессором, который регулярно поставляет ему юные дарования.

— Да как вы смее! Ваш статус не дает вам права разводиться напраслину. Пойдем дорогая, не слушай его, — говорит он мне, уводя от Карима все дальше. Заводит в гримерку, где тут же пьет сразу два стакана воды. — Ты посиди тут, переговорю с Петром Сергеевичем. Так его еще никогда не оскорб-

ляли. И не верь не единому слову. Мы еще докажем ему!

Я только киваю, ощущая себя разбитым фортепьянным, клавиши которого еще пытаются создать музыкальный шедевр мечты, но реальность давит инструментом плохого настройщика, ломая меня окончательно.

— Арина, — дверь внезапно открывается, и я резко встаю, видя перед собой Карима. Он закрывается на защелку, поворачивается ко мне.

— Уходи... Ты не тот Карим. Ты другой.

— Ты обиделась?

— Это шутка? Ты меня оскорбил. Принизил мой талант! Назвал почтенных людей сутенерами, а меня...

— А ты не шлюха? — выдает он спокойно, а я задыхаюсь от острой боли. Мысли, что кружились рядом всю неделю обретают голос Карима, формируясь в эту простую, ужасную правду... Все было ложью, я все придумала? Мне нечего терять?!

Резко подбегаю к нему и пытаюсь дать пощечину, но он перехватывает ладонь и качает головой. Вырываюсь, но он разворачивает меня спиной к себе, прижимает так крепко, что не вздохнуть, пуская по телу удушающий жар.

— Конечно ты не шлюха, Ариш... Но могла бы ею стать, если бы согласилась работать с этими пошлыми уродами. Они ломают девочек. Предлагают заоблачные высоты, а потом, наигравшись, выкидывают как мусор, без гроша в кармане.

Эти его слова как летний дождь в июльский зной. Топят

мою обиду, превращая боль в удовольствие от близости любимого... Он рядом. Он защищает меня. Я должна ему верить.

Карим ведет носом по моей шее, задевая самые высокие клавиши моего инструмента. Селит в душе мечту, которая чуть не исчезла. Он рядом. Он со мной. Он руками оглаживает грудь, живот, скользит все ниже, не отрываясь, смотрит через зеркало. Он такой красивый. И сегодня я ему под стать. Он так сказал.

— Ты сказал, мне не хватает лоска. Зачем ты так, — пытаюсь чуть отвоевать себе личного пространства, но такое ощущение, что Карим не позволит.

— Я не так сказал. Ты не формат для эстрады, у тебя нет перекаченных — губ, и той манеры, с которой сейчас там можно заработать. Ты другая. Невероятная, милая, привлекательная, но другая.

— Но я хорошо пою.

— Так прекрасно, что у меня стоял весь твой номер. Но твой голос должен звучать не там...

— А где? Где должен звучать мой голос?

— Он должен звучать только для меня, — оглаживает он мою задницу, заставляя каждую струну нерва играть по его нотам. Господи, как же горячо, как влажно.

Мне нужно узнать, почему я не могла дозвониться, но сейчас все что я могу издавать это стон, когда Карим поворачивает мою голову и жадно прижимается к губам.

Глава 11.

В тот же момент во мне что-то взрывается, словно искры фейерверка. Я так долго этого ждала, так долго мечтала, что не остановиться, словно, наконец, приникла к источнику воды после долгого пути по пустыне. И мне надо больше, больше, пока горло не заболит от голода.

Карим отрывается от меня, смотрит на лицо, губы, хрипло смеется, словно ему очень хорошо.

— Охренеть, какая ты дикая. Признайся, — стягивает волосы на затылке, а другой рукой ведет по ткани платья прямо между ног. — Трогала себя, когда думала обо мне?

— Каждый, бесконечный день разлуки, — выдаю на одном хриплом выдохе, и не думая лукавить. И не думая врать. Отдавая свое сердце этому человек целиком и полностью.

— О, детка. Я тоже очень скучал. Думал о том, какая ты сладенькая, — шепчет он, приникая к моей щеке, скользя на губы, шею, прикусывает кожу и тут же зализывает.

Снова отходит, сводя меня с ума этими паузами, что кажутся бесконечными. Но, то, что происходит дальше, с лихвой их окупает.

Он ловко, сворачивает платье так, чтобы ему открылись мои трусики. Бесшовные, бежевые – ничего особенного. Но они становятся верхом эротического наслаждения, когда он втягивает носом воздух рядом с ними, а следом прижимает-

ся к ним ртом.

— Как же ты чертовски вкусно пахнешь. Сладкое, чуть перезревшее манго, которое просто тает во рту. Хочу, охуеть как.

Я лишь судорожно киваю, придерживая платье, пока он усаживает меня на столик, роняя все, что там лежало.

Его пальцы легонько отодвигают ткань, давая дорогу губам и языку.

О, Господи, как же хорошо.

От эйфории, что бьется в голове набатом, сносит остатки разума.

Я просто вцепляюсь одной рукой в столешницу, другой сжимаю платье, стараясь шевелить бедрами так, как он учил. По кругу, чтобы кончик языка попадал точно в цель, щипая те самые нужные нервные окончания, словно играя определенный набор нот, создавая поистине волшебную мелодию.

Снова и снова Карим повторяет один и тот же кусок, пока не доходит до кульминации, но резко обрывает.

— Карим! — умоляю пощадить, но он только усмехается, облизывая губы, тут же дает мне ощутить всю полноту собственного вкуса. Но лишь затем, чтобы обмазать мое лицо влагой, а потом развернуть к зеркалу и показать какая я рядом с ним.

— Посмотри, насколько ты красива, когда со мной, когда трахаешься со мной...

— Карим... Господи, я не могу без тебя, я люблю тебя.

Он на миг замирает, смотрит мне в глаза через зеркало, словно в поисках лжи. Но он никогда ее не найдет, потому что мои слова исходят не из тела, что желает получить в себя чертов член, а из сердца, что требует оправдать все до единой надежды.

— Докажи, — шепчет он мне в ухо, резко прижимает столешнице лицом и вбивает член одним жестким толчком. — Докажи, что любишь.

— Я готова, да, я на все готова, — шепчу в полубезумстве, пока член ходит во мне поршнем, снова и снова наполняя небольшую комнату пошлыми шлепками и моим скулением.

Мне так нравится, мне все нравится, даже когда его ладонь давит на голову, сжимает до боли волосы.

Грубо, жестко, по-настоящему. Карим не церемонится, просто вбивает меня в столешницу, снова и снова, работая мышцами пресса, что просматриваются даже через ткань рубашки. Снова и снова.

Его вторая рука на моей спине, гладит платье, стягивает его в районе поясницы, чтобы натянуть меня на себя еще сильнее, до визга, за который он шлепает меня по заднице.

— Тише, детка, тише, нас не должны услышать, — ускорится он, наклоняется, укусив меня за обнаженное плечо.

Боль в сочетании с все нарастающим возбуждением добивает меня окончательно, и я затыкаю рот ладонью, крича, пока меня раскалывает на части оргазм. Такой силы, что кажется, шатаются стены.

Пара жестких толчков и Карим покидывает мое тело, разворачивает к себе за волосы, сует член прямо в горло, тут же заливая его спермой. Покорно смотрю ему в глаза, доказываю, что люблю.

Он удерживает меня за голову до тех пор, пока последняя капля не провалится в желудок.

Все заканчивается и меня пронизывает лютый страх, что надежда останется каплями семени на дне моего желудка. И не даст плоды.

— Карим... — спрашиваю, пока он поправляет ремень и застегивает ширинку, в миг, приобретая вид, который имел до этого. — Почему ты не отвечал? Я тебе звонила.

Карим трет лицо, опускает глаза, смотря, как я стою на коленях, медленно поправляя лямки на платье.

— Нам нельзя быть вместе, Ариш... Мой отец не одобряет. Этот порыв был... Неправильным. Но как только я вижу тебя, — поднимает он меня с пола. — Теряю рассудок.

— Но если я стану известной... Я могу стать достойной тебя.

— Я не могу рисковать, — целует он меня в щеку, стирает с нее слезу и убирает руки с плеч. — Тобой.

Он намекает, что... Мне все равно!

— Мне все равно, — цепляюсь за его руку. — Я хочу быть с тобой, на любых условиях. Главное рядом... Главное, чтобы ты отвечал на мои звонки.

Карим вздыхает, давит на переносицу пальцами.

— Нам придется держать все в тайне.

— Я готова.

— Тебе пока придется пожить в общежитии, пока я не придумаю, как нам незаметно снять тебе квартиру.

— Как угодно, Карим. Хоть в шалаше.

Он ласково улыбается, поглаживая меня по щеке, давит большим пальцем на губы, проникает в рот. Я обхватываю его кулак, втягиваю палец глубже, чуть прикусываю, как ему нравится.

Он прикрывает глаза, стискивает челюсти.

— Стоит ли так рисковать?

— Я готова на все. Я люблю тебя.

— Ладно, к черту. Я просто не смогу без твоей тесной киски, — резко захватывает он мою поясницу, давит, притягивая к себе, целует влажно, жадно, до тонких ниточек слюны, что тянутся между языками. — Держи этот телефон.

Он что — то нажимает в нем, так что телефон оказывается полностью пустым.

— Я сегодня позвоню на него, запишешь номер.

— Я не могу принять. Как же ты без телефона.

— Я куплю себе новый, этот скажу, что потерял. Нам будет хорошо вместе, Арин, ты не пожалеешь. И еще, — говорит он, перед тем как оставить меня одну. — Если кто — то узнает, мы не сможем быть рядом.

— Никто... Не от меня. Ты можешь мне доверять.

Он уходит, а я прижимаю телефон к груди и визжу от ра-

дости. Прыгаю, танцую. Мне так хорошо, мне хочется петь! И дело не в оргазме, дело в том, что теперь Карим будет со мной. Теперь я точно могу себе сказать — я не шлюха. Я девушка сына президента. Хоть и тайная... И однажды мы обязательно расскажем историю нашего знакомства нашим внукам. Детям, наверное, постесняемся. Пожалуй, трое... Я рожу ему троих. Буду петь им колыбельные, а потом наслаждаться той интимной свободой, которой научил меня Карим.

Поворачиваюсь к зеркалу. Господи, ну и видок. Беру расчёску, помаду, сушу феном влажные пятна от слюны. Хорошо, что не стало видно...

Ровно в тот момент, когда я заканчиваю, в примерку влетает Аля.

— Вот ты где. Пойдем, кое с кем познакомлю. Мне нужна твоя помощь.

Глава 12.

Я спешу за Алей, она ведет меня по коридору под лестницу. Там стоит симпатичная худенькая брюнетка в простом черном платье. В недоумении смотрю на Алю.

— Это Серафима Русь. Ты ее не помнишь, но ее тоже соблазнил Левашов. Ничего не говори, просто выслушай ее...

Меня пугает ее одержимость мыслью о профессоре и не понимаю, что она хочет от меня.

— Тоже? Ты что, подумала что мы...

— Вы зашли вместе, я видела вас.

Значит Карима она не видела... Значит мне нельзя говорить ей правду.

— В общем, Серафиму после ее попытки раскрыть людям правду о профессоре отчислили. Да и репутацию испортили настолько, что она попрощалась с мечтой стать музыкантом.

— Аль, я сожалею, но причем тут я?

— Да послушай ты! Он может отлично лить в уши, но нам нужно вывести его на чистую воду! Ради тебя, Серафимы и всех девушек, которых он соблазнил!

Праведный огонь в ее глаза пугает. Она берет мою руку, сжимает в своих.

— Ты должна нам помочь...

— Но как я могу помочь?

— Этот старый пердун тобой заинтересован. Даже если у

вас еще ничего не было, он будет пытаться снова. И тогда мы его поймаем.

— Как? Я не буду с ним спать, Аль...

— Ты пойдешь к нему домой и поставишь там камеру. Я тебе дам. Она маленькая, незаметная. Ты сбежишь, а я смогу записывать все, что происходит в его квартире. Не отказывайся сразу, подумай о том, сколько несчастных девушек ты сможешь спасти, сколько бед сможешь предотвратить

— Но я..., — качаю головой, но Алю не унять.

Она просит молчаливую девушку рассказать свою историю. Она тоже, как я училась на второй курсе, когда стала замечать знаки внимания. Сначала всерьез не воспринимала, даже наслаждалась ими. Тем более что ей давали первые партии, позволяли выступать на концертах. А потом профессор потребовал оплатить этот успех собственным телом. Она согласилась и терпела его домогательства, пока он не стал приводить своих друзей. Она попыталась пожаловаться на профессора в деканат, но ей никто не поверил. И вскоре она стала изгоем.

Она говорила, а я почему – то видела на ее месте себя.

А еще, я вдруг вспомнила, о чем говорил Карим, как предупреждал меня.

Если бы не любовь к нему, если бы не Аля, я бы могла оказаться на месте этой несчастной девушки. Даже не понять, как меня хотят использовать.

Интересно, а ей можно как – то помочь?

— Ну что, Арин?

Она смотрит на меня, словно пытаюсь заколдовать. Я вздыхаю.

— Я помогу... — она тут же кидается меня обнимать. — Аль, задушишь.

— Я знала, что могу на тебя положиться. Мы приструним этого похотливого пердуна.

Она отпускает меня и уводит бедную девушку, я же остаюсь под лестницей, смотрю по сторонам, чтобы никто меня не видел и включаю телефон.

Немного в шоке от того, какой он красивый, современный и дико дорогой. Его никому нельзя показывать, я не смогу объяснить, откуда его взяла.

Я копаюсь в нем, наверное, полчаса, пытаюсь разобраться, когда на мой телефоне поступает звонок.

Беру на автомате и застываю, слыша голос Карима. Боже...

— Ты куда пропала?

— Под лестницей сижу, между этажами. Ты приде...

Он тут же отключается, а я тру плечи, которые покрылись холодными мурашками, приподнимая волосы.

Вроде и не холодно, но копчик морозит, пока смотрю в телефон, как мигает экран, настраиваясь.

— Ариш, — слышу шепот сверху и поднимаю голову.

Застываю, разглядывая своего Бога в темноте.

Сейчас он кажется еще огромнее, пугающе опасным и все

еще очень красивым. В его глазах непроглядная сплошная тьма, словно темный лес, в который я вступила и не знаю, как найти выход. А может, и не хочу, потому что чувствую исходящую от него энергию, от которой становится горячо и приятно. Почти нежные руки ложатся мне на голову, чуть сжимаю пучок, который я сделал. Он ведет пальцем от виска, до щеки, находит губы и сминает их, словно пробуя на мягкость.

Мы слышим шаги и резко дергаемся. Карим выругивается, тут же дергает меня за руку и уводит в сторону, в приоткрытую дверь туалета. Запирает ее на защелку.

Шаги стихают, а я нервно смеюсь. Страх и стыд щекочут как пузырьки газировки.

Это так неправильно – постоянно прятаться, но я прекрасно понимаю, что по-другому с сыном президента не получится. Мне просто нужно принять все то, что он готов мне дать.

— Ты не должна это терпеть. Постоянные прятки, укрытия, тайны... Ты достойна лучшего, — гладит он меня по щеке, прижимая ладонью.

Я запрокидываю голову, втягивая всеми рецепторами запах своего мужчины. Тот, на который я подсела в нашу единственную ночь.

— Я достойна лучшего, ты прав. Лучшее – это ты.

— Блять, — только и выговаривает Карим, захватывает мой затылок, сдавливая его и притягивая к себе. От удоволь-

ствия прикрываю глаза, обнимая любимого за шею. Наши губы безошибочно находят друг друга, сталкиваются в нежности, что сводит на нет все мысли в голове.

Я чувствую, чувствую, как отчаянно сердце бьется в груди, как вокруг нас потоком эссенции разливается волшебство. И мне так хорошо с ним, так приятно. И каждый раз мало, мало поцелуев. Его мало.

В этот вечер мы расстаемся, но теперь я спокойна, потому что Карим всегда на связи. Стоит мне зайти в общежитие, как приходит сообщение, что он уже дома и думает обо мне.

Я падаю на кровать, прижимаю подарок к груди и часто и шумно дышу. Мне так легко, так хорошо, так свободно. И даже вопросы соседки о том, почему я такая странная не обижают. Я не сойду с выбранного пути. И не важно, что все нужно оставлять в тайне, потому что счастье любит тишину. И пусть бабушка и весь наш город считает меня блудницей. Я знаю правду.

А еще теперь я могу сосредоточиться на учебе. А еще приходится помогать Але Самсоновой вывести профессора на чистую воду. Я должна заигрывать с профессором и сделать вид, что готова зайти дальше.

— Так, он почему — то не торопится звать тебя к себе. — Говорит спустя пару дней Алла, пока красит мне губы бледно розовым, создавая образ Лолиты.

Я уж не буду ей рассказывать, что осторожничает он из — за Карима, который обвинил его и продюсера в распутстве.

— Не знаю. Я вроде улыбалась ему.

— Но пусть пока довезет тебя до общаги. Покажи, что ты готова дать ему привилегии к своему телу. Поняла?

Мне неприятно это все, но я уже пообещала, даже надела платье, которое принесла мне Аля. На тонких лямках, легкое, привлекающее слишком много внимания.

— Поняла, но мне это не нравится. — Я все думаю рассказать про план Кариму, хотя последние пару дней он почти не пишет, сильно занят. — Может он передумал меня соблазнить?

— Шутишь? А кто предложил найти тебе композитора? Думаешь, он это всем подряд предлагает? Слушай, я не прошу с ним спать. Просто попади к нему домой и поставь прослушку. Все, давай, он тебя ждет, — отправляет из женского туалета, где мы переговаривались.

Я, вздохнув, спешу на выход, чтобы выполнить миссию, на которую подписалась.

Отхожу в сторону, где договорилась встретиться с Константином Дмитриевичем. Осматриваюсь, чтобы никто меня тут не увидел. Я не могу себе позволить стать изгоем, как та девушка, иначе никогда не смогу стать ровней Кариму.

Вздрагиваю, когда передо мной останавливается машина. Черная и очень представительная.

Первые пару секунд сердце бьется где — то в горле. Профессор купил новую? Я не хочу с ним ехать.

Я не знаю, как оставаться с ним наедине в таком тесном

пространстве.

Окно открывается, и я уже готова шагнуть назад.

Ахаю, прижима ладони к щекам. Это — Карим...

Я без раздумий открываю дверь и прыгаю к нему на сидение. Его улыбка, Господи, ради нее можно предать родину.

— Выруби телефон, у меня не так много времени, не хочу, чтобы нас прервали.

Я выключаю телефон, как велено, чтобы никто нас не беспокоил.

Проучить профессора можно и позже, а когда в следующий раз на меня найдет время Карим — я не знаю. Значит должна полностью посвятить себя ему столько времени, сколько он нам отведет.

— Скучала, малыш? — тянет он меня к себе на колени, прижимаясь губами к шее, пока за моей спиной закрывается перегородка между пассажирами и водителем.

Я прикрываю глаза от восторга, вжимаюсь к его тело, веду от твердой груди, к такому же стальному животу.

— Безумно...

— Покажешь? — стискивает он мою талию, а я радостно киваю, запуская руки сначала под рубашку и слыша хриплое ругательство. Не могу ждать, все внутри сжимается от предвкушения, что яростно стягивает низ живота и соски. Он просит показать, и я могу это сделать лишь одним доступным нам способом. Наклоняюсь, чтобы поцеловать Карима. Губы, подбородок, кадык, ключицы. Веду дорожку по-

целуев, расстегивая пуговицы за пуговицей, пока не оказываюсь на полу у него в ногах. Он запускает одну руку мне в волосы, другой стягивает лямку платья и лифчика, взвешивая в пальцах грудь... Боже, как же приятно.

— Покажу, — с улыбкой шепчу, облизывая губы, продолжая бороться с ширинкой и замком на ремне, пока обе ладони не обхватывают тяжелую, налитую кровью плоть. Боже, во рту столько слюны, которую вместо того, чтобы сглотнуть спускаю на головку, слушая самое важное:

— Ох, бля Арин, возьми в рот, мне нужен твой нежный язычок и ротик...

Меня не нужно уговаривать, я открываю рот, обтягивая член плотным кольцом. Втягиваю пряный аромат, сходя с ума от того, что он со мной делает. В кого превращает. В самку, которой просто необходимо познать своего мужчину. Прямо сейчас. Без стеснения и границ, которые однажды между нами он стер.

Глава 13.

Карим не спешит, позволяет облизать свой член. Вспомнить все уроки, которые он давал в единственную ночь. Я сжимаю ствол у основания. Теперь он становится еще тверже, наливается кровью, порождая внутренний трепет похожий на страх. Я прекрасно помню как давилась, когда не учил принимать член в горло. Как слезы смешивались со слюной, как задыхалась, пока Карим удерживал мою голову.

— Давай, малыш, покажи как скучала, — запрокидывает он руки за голову, чуть сползая по сидению, чтобы мне удобнее было трогать его и целовать. Я поглаживаю член по всей длине, поднимая ресницы и поглядывая в расслабленное лицо моего мужчины. Облизываю губы язычком и тут же трогаю им же головку. Обвожу по кругу, веду влажную линию вниз, до тугих мешочков, что стягиваю в своем кулаке.

Собственное тело вибрирует от желания, между ног столько влаги, что собственное белье неприятно натирает.

Отвлекаюсь на Карима, посвящая эту композицию с пошлым названием, издавая развратные звуки ртом, которым стягиваю член, двигая головой все быстрее.

Мы проводим в машине почти два часа, кружа по городу. Мне уже больно от перевозбуждения, потому что Карим мучает меня, не проникая и не давая кончить даже когда насухо вылизывает. Но все прекращается, когда я наконец лежу в

болтающемся на поясе платье, а он на коленях между моими ногами лишь с расстегнутой рубашкой, грудь под которой я постоянно глажу. Мне хочется его касаться, снова и снова, не прекращая это безумие.

Мы почти не говорим, прекрасно понимая, что нас слышат, но нам это и не нужно, Карим отлично умеет показать, что мне нужно сделать. Тянет мою руку на мой же лобок. Я тут же принимаюсь трогать себя между ног. Собираю влагу пальцами и тут же обхватываю ими его твердый, донельзя напряженный член, растирая по всей длине.

Карим запрокидывает голову, стискивая челюсти. Он в моей власти. Пусть на эти несколько мгновений, но он мой. И эта машина, это заднее сидение лучше любых шелковых простыней, потому что мы вместе, мы единое целое. Сбивчиво потираю член, страшаясь и желая, чтобы он наконец оказался во мне.

Карим резко отбрасывает мою руку и я запрокидываю обе над головой, чтобы моя грудь поднялась еще выше и у Карима был повод... Боже, да.. Как мне нравится, когда он лижет мои соски, тянет их и отпускает, чтобы снова взять в рот.

Но сейчас он быстро отстраняется, чтобы сжать свой член у основания, делая его еще более темным. И все только для того, чтобы провести головкой по моей промежности, откровенно открытой для него. По складкам, на которых скопилось много влаги.

Боже, да, пожалуйста. Мне это нужно, нам это нужно. Но

я все равно невольно напрягаюсь, потому что каждый раз удивляет, как этот гигант может так легко оказаться во мне, да еще принести удовольствие.

Еложу по кожаному сидению. От влаги все неприятно липнет, но это не стоит внимания в отличие от кожи любимого, что так красиво контрастирует с моей белой. В полумраке салона разница еще более очевидна.

— Не дергайся, — хрипит Карим, и я вроде слушаюсь, но он все равно давит мне на плечи, приковывая к спинке. И все только для того, чтобы беспрепятственно проникнуть в мое влагалище. Только для того, чтобы смотреть, как член миллиметр за миллиметром теряется во влажной тугой дырочке.

Я кусаю губу, чувствуя, как меня изнутри растягивает член, не причиняет боль, но позволяет ощутить каждый миллиметр плоти, каждую извилистую как река вену, толстую бархатную головке.

Карим растягивает момент до такой степени, словно карамель, которая должно стать прозрачной. Дальше, дальше, наблюдая за каждой секундой процесса лишь иногда пересекаясь взглядом со мной.

Член входит совсем немного, но мое влагалище обхватывает ствол очень плотно

— Ты чудо, Арин, — хрипит он и резко вдавливая член до конца, стыкуя наши бедра с глухим звуком.

Немею, ошарашенная силой ощущений.

Терпение может обернуться таким сильным удовольстви-

ем, что все внутренности болезненно сжимаются. Да, да, да!

Оргазм отодвигаемый столь садистки часто, буквально выводит эмоции на другие гиперчистоты.

Я выгибаюсь дугой, хочу крикнуть. Карим успевает зажать мне рот рукой.

Но я все равно кричу, надрывно, ломко, позволяя воздуху все выходить и выходить в такт толчкам молотам.

Это невозможно, насколько я все еще чувствую удовольствие, что стягивает тело веревками.

А в это время член Карима яростно вбивается в мое сжимающееся оргазмом лоно.

Господи, ощущения настолько яркие, что я зажмуриваюсь в попытке остаться тут с Каримом, пока моя душа взмывает все выше и выше.

Я не обижаюсь на Карима, когда он мараёт мой живот, а несколько капель падают на платье. Я настолько счастлива, что эти мелочи кажутся милыми, это часть нашей с ним тайны. Его следы на мне.

— Приведи себя в порядок, высажу недалеко от общежития, — говорит Карим, заправляя рубашку в брюки и помогая мне поднять платье и лифчик. В своем телефоне быстро стираются растекшуюся тушь и помаду.

— Ну и видок у меня. Не смотри.

— С ума сошла? Видеть тебя такой и знать что это я сделал, что такая ты только для меня дикий кайф. Но лучше завести сумку с вторым комплектом одежды, я никогда не

знаю, когда смогу к тебе вырваться.

— Хорошо, — включаю телефон и со стыдом обнаруживаю пару десятков пропущенных. От Али, от профессора, о Боже! От бабушки!

— А мой телефон тебе не понравился?

— Ой, ты что! Это какое-то космическое чудо. Мне очень нравится. Просто я не могу его показывать. Он только для твоих звонков.

— Умно конечно. Я позвоню, детка.

Я горячо прощаюсь с Каримом, тороплюсь в общежитие чтобы принять душ, по дороге пытаюсь дозвониться до бабушки. Застываю, когда в комнате обнаруживаю Алю. Она сидит на моей кровати, поднимает голову.

Стою перед ней как на суде. Стыдно дико. Но я не могла отказать Кариму.

— Ты не говорила что у тебя есть ебарь. Я бы тогда тебя не просила...

— Стой! Прости! Я сейчас все объясню!

Глава 14.

Я чувствую себя распятой на потеху людям. Пусть здесь и никого нет. Но взгляда и слов Аллы Самсоновой хватает чтобы ощутить всю силу своей вины, своего позора.

Она знает? Она знает, что я только что занималась сексом. Она знает с кем?

— Я люблю его... Ну то есть... Он приехал, и я не смогла ему отказать. Я не умею ему отказывать.

— Так если у тебя любовник, почему ты живешь здесь? — оглядывает она нашу небольшую комнату с пожелтевшими обоями и двухярусной кроватью.

Одно хорошо, уходить она не торопиться. Садится на кровать и кивает на место рядом с собой. Это возможность оправдаться, сделать все, чтобы она не злилась. Я не переживу потерю единственной подруги. Человека, которому я могу рассказать все. Пусть не имя, но достаточно подробностей, которые не могу держать в себе.

— Все сложно.

— Пф, всегда все сложно. Он кто вообще?

— Мужчина. Архитектор.

— О, боже, больше, как будто профессий нет. Старый?

— Нет! Но старше меня.

— Понятно, нашел себе дурочку.

— Нет! Ты не понимаешь, — вскакиваю, но Аля сажает

меня обратно. — У нас с ним все серьезно, просто пока нужно все оставлять в тайне.

Алла смотрит на меня как на диковинку, словно я говорю, что инопланетяне приземлились и скоро будет апокалипсис. Но пусть думает, что хочет, я верю Кариму. Он меня не обманет. Он не может быть таким.

— Понятно. Почти Ромео и Джульетта. А имя у твоего Ромео есть? Фамилия. Я пробую его по базе... Никому ничего не скажу.

— Нет. Я не могу назвать его имени. Слушай, Алла, я понимаю, что подвела тебя. Прошу за это прощение. Я помогу тебе с профессором, но прошу не пытаться выяснить о моем К...

— К? Костя? Кирилл?

— Костя, да. Его зовут Костя.

— Понятно. Ладно, Дело твое. Ты вроде взрослая девочка, знаешь, что делаешь.

— Конечно знаю. Профессор, кстати мне звонил, — перевожу тему. — Может ему перезвонить?

— А давай. Скажи, что срочно вызвали на урок. Он любит сердобольных, — воодушевляется Алла, готовая снова вступать в бой. Профессор хоть и разговаривает неохотно, но ведется на просьбу принести ему нотные заметки. Наш профессор мнит себя великим композитором и на этом можно неплохо сыграть.

— Слушай, а почему не нанять кого —нибудь, — спраши-

ваю Аллу перед тем, как она уходит.

— Я не могу никому доверить такое. Только тебе, понимаешь?

— Конечно. Я буду рада вывести его на чистую воду.

Она внимательно смотрит на меня, словно хочет еще что-то сказать, но потом мягко улыбается и кивком головы прощается со мной. Я еще долго смотрю в закрытую дверь после ее ухода.

Не стоило рассказывать. Теперь она будет задавать еще больше вопросов. А может быть даже начнет следить из лучших побуждений, будет думать, что Карим тоже хочет меня обмануть.

Набираю бабушку, пропущенный от которой увидела ранее. Волнуюсь дико, сердце как птичка в клетке бьется. Раз гудок, два гудок, три гудок... Я уже хочу положить телефон, когда она отвечает.

— Алло, Арина?

— Да, бабушка? — отвечаю спокойно, а перед глазами ее ожесточенное лицо. Тело покрывается фантомными синяками, что болели после ее ударов несколько дней. Так она меня не била никогда. Такой боли не приносила. Но она моя бабушка, мой самый родной человек. Я не могу отрезать ее от себя.

— Ну как ты... учишься еще?

— Что за вопросы, конечно, учусь.

— Ну кто тебя знает. Может понравился вкус денег лег-

ких.

Мне на это ответить нечего, лишь правду.

— Я пошла на это только ради тебя. И ни о чем не жалею.

— Да понятно, что не жалеешь. Бабку совсем забыла.

Что? Более странной вещи она сказать мне не могла.

— Ты же сама не хотела, чтобы я приезжала.

— Ну мало ли, что я хотела или говорила. Ты ж внучка моя. Да и работы навалом. Братья твои совсем от рук отбились. Кутят, дерутся. Недавно в больнице лежали.

— Что случилось?

— Да кто ж их знает. Они со мной не делятся. Приходят, ночуют и дальше идут. Приезжай, внучка...

— А как же мой позор. Ты же меня на всю деревню осмистала.

— Так-то я не я, так-то Райка – сучка.

Я закрываю глаза, представляя автобус и то, как люди отворачивались от меня. Как детей к себе ближе притягивали, словно я заразная. Качаю головой.

— Я тебе денег лучше пришлю, но сама не приеду.

— Как так.

— Прости, бабушка, но второй раз такое отношение я не переживу.

— Да кто ж виноват = то, что у людей такое отношение. А думаешь мне легко взгляды косые сносить, гадина ты неблагодарная! Зря я тебя тогда подобрала! Надо было бросить, прямо там бросить подыхать! И не звони мне больше!

Она бросает трубку, а я сижу, чувствуя, как руки онеме-
ли, как ноги затекли. Опускаю трубку, пока в голове как на
повторе крутятся снова и снова слова бабушки.

«Зря я тебя подобрала. Надо было бросить»

О чем она говорит? Что имеет ввиду.

Глупости, не в кустах же она меня нашла. У меня есть сви-
детельство, там имена родителей. Да и на братьев я похожа,
светловолосых.

Мотаю головой, тру лицо и резко встаю. Нужно домашнее
задание делать, а не думать о словах обиженной бабушки.

* * *

Профессора удастся подкараулить после пар на следую-
щий день, даже пожертвовать занятием, за которое я полу-
чаю деньги.

— Добрый день, Константин Дмитриевич.

— Ой, Ариночка, меня ждешь? — оглядывает он коридор
и не видит Аллу, притаившуюся за углом.

— Вас. Хотела узнать, принесли ли вы свои записи. Я уже
два дня хочу послушать, а вы так заняты.

Не знаю откуда это во мне. Эти улыбки, ужимки. Может
быть из-за Карима, что просит присылать селфи в самых раз-
ных ракурсах, а может, потому что я хочу побыстрее закон-
чить задание Аллы и сосредоточится на любимом. Тем более
он сегодня обещал позвонить вечером.

— Ну вообще они у меня с собой. Хочешь пойдем, послушаешь. Да и споешь пару композиций.

— Да, да, очень хочу.

— Он открывает дверь своего кабинета и запускает меня, снова осматривая пустой коридор.

В кабинете я стараюсь вести себя более отстраненно, но сажусь рядом и пою под его аккомпанемент.

Страх крутит живот, а близость моего преподавателя вызывает натуральную аллергию, а еще тошноту. Но Константин почти не замечает этого. Опускает руку мне на колено и легонько проводит по нему, делая весьма жирный намек. Я дергаюсь от испуга и встаю, поправляя юбку. Я купила себе парочку, чтобы Кариму было удобнее. Но не профессору.

— Мне кажется кто — то может войти.

— Хочешь уйти или найти место поукромнее.

— Не знаю, — честно отвечаю, уже дико жалея, что согласилась на все это. — Не знаю.

Выбегаю из кабинета, сразу в туалет, где меня рвет в унитаз. Позже я умываю лицо и вздрагиваю, замечая лицо Аллы в зеркале.

— Ну что там?

— Он понял намек. Хотел продолжения.

— И отлично! Давай ему аперитив, но не корми.

— Слушай, Аль, мне, кажется, я не справлюсь.

— С ума сошла?! Мы почти у цели! Ты представляешь, сколько девчонок ты спасешь... За скольких отомстишь.

— А если он станет настаивать, если он попробует, ну... Сама знаешь.

— Я буду на связи, Арин. Если что, я сразу позвоню в дверь и вызову полицию. Тогда мы тем более его накроем. Он у нас по статье пойдет!

— Обещаешь?

— Конечно! — обнимает она меня, но в этот момент мой второй телефон начинает звонить. Ну нееет, только не сейчас.

— Это что? Айфон?

— Да это не мой, — тут же отнекиваюсь. И чего не поставила на беззвучный. — Девочка забыла, надо отдать.

— Ну ладно. Тебя покормить? Обещала же. Да и сделала ты все на отлично.

— Нет, нет, я сама поем. У меня там драники в общаге.

— О, здорово, тысячу лет не ела. Накормишь?

Да что ж такое... Впервые Аля стала меня раздражать, потому что при ней я не могу взять трубку.

Но тут ей самой звонят, и она отходит, давая мне возможность написать Кариму сообщение, что я не могу говорить, но очень жду его звонка вечером. И тут же получаю в ответ.

«У меня для тебя подарок. Буду ждать в восемь в такси за общагой»

Божечки, он хочет не просто позвонить, но еще и подарок подарить. Не мужчина, а мечта.

Поворачиваюсь к Алле, а она бурно общается по телефо-

ну.

— А чего ты мне то звонишь? Да, с чего ты взяла, что у него баба? Да не похож он на того, что будет шлюх трахать. До раздражающего педантичный. Я тебя говорю, он работает. Работает он! У него проект, отец на мозг давит, еще ты мозг делаешь. Лучше трахни его как следует, а не как ты обычно это делаешь и все сомнения отпадут. Вот точно, устрой романтик. Прямо сегодня. Красивое белье, ужин своими руками. Если он откажется, то твои подозрения верны, если останется дома, значит ты дура и покупаешь мне выпивку.

Она смеется, бросает телефон в сумку.

— Что – то случилось?

— Да помнишь подругу мою, Марину. У нее подозрения насчет мужика своего. Жениха,

— Да? А откуда? Он дал повод?

— Ну как по мне, повода нет, но она так на нем помешана, что боится потерять.

— Понятно. А я думала, что вы с ней не очень сильно общаетесь.

— В обычное время нет. Но другим признаваться в том, что она не такая уж идеальная она не может. А мне вроде как можно сказать все.

— Здорово на самом деле, что она так тебе доверяет.

— Верно. И ты мне доверяй. Я никого никогда не предаю.

— Я это запомню...

— Ну что, ко мне? — времени до восьми у меня еще много.

И я не жалею, что взяла Аллу с собой. Мы отлично провели время. Она рассказала мне о своей семье, я о своей. А когда она ушла после драников, я поспешила привести себя в порядок, даже попросила у Гали косметику, чтобы освежить бледное лицо. И уже была на выходе, когда мне прилетело сообщение от Карима:

Наверное, уже здесь.

«Сегодня отбой. Работа»

Глава 15.

Я прождала пол ночи, надеясь, что Карим все-таки закончит свои дела и позовет меня. Не смывала макияж, не переодевалась. Держала в занемевших от волнения руках телефон и слушала старинные романсы. Галя в итоге не выдержала и пошла спать к своей подруге. В итоге с утра я еле встала. В итоге проспала. В итоге впервые в жизни опоздала на занятие, чем весьма удивила преподавателя истории музыки и весь свой поток. Особенно Аллу, которая пододвинулась, чтобы мне было куда сесть.

— Ты как с бодуна...

— Да чет не спалось, — шепчу в ответ, бросаю взгляд на ее записи и быстро переписываю, чтобы не отстать.

— А чего? Твой парень не давал заснуть?

Есть в этом своя правда.

— Не совсем.

— Может хватить говорить загадками. Я помню, что нельзя спрашивать о том, кто он такой. Но хоть что между вами происходит можно?

— Да ничего в общем – то. Вчера я надеялась на свидание, а он не пришел. На работе завал похоже.

— Ну мог бы найти пять минут...

— Ну... — чувствую, как теплеют щеки. – Нам обычно пять минут мало. Так что может и хорошо, что он совсем не

приехал.

Не ври самой себе. Тебе бы хоть пять минут с ним. Хоть бы просто увидеть.

— Больше пяти минут. Что это за половой гигант, — смеется Алла, заряжая своей энергетикой. — Ладно, ладно, молчу. Да не спеши ты так. История никуда от тебя не убежит.

— Все равно. Так стыдно...

— Забей. Слушай, надо бы сегодня к Кириллу наведаться.

— К какому... А, — настроение тут же падает. — Я не в лучшей форме.

— Ничего, я прихватила вещичек. В туалете тебя переодею и подкрасим.

Я вздыхаю, уже желая, что подписалась на эту авантюру, но и отказать не могу.

— Думаю домой рано просится.

— Тоже, верно. Просто отправим ему сообщение, а потом напишем, что не вам. Беспроектный вариант.

— Ты уже так делала?

— Конечно. И не раз. Даем понять, что мы всегда в полном доступе.

— Ладно, — пожимаю плечами и надеюсь, что Алла забудет обо всем. Но не тут — то было. Мы пошли в туалет на большом перерыве, где она быстро из унылой серой мыши превратила меня в настоящую соблазнительницу. Платье чуть ниже плеч, сверху пиджачок, но все стратегические места остались на виду. Их то я и фоткаю, отправляя профес-

сору под чуткими руководством наставницы. Удивительно, но мне самой нравится, как получилось.

Мы с волнением и хихиканьем ждем, когда профессор прочитает, начнет что – то набирать и тут же удаляем.

Я быстро набираю текст «Простите, это не вам».

Профессор перестает писать, зато тут же звонит на мой номер.

— Господи, как я с ним сейчас буду разговаривать. А как пойду на пару?

— С гордо поднятой головой. Давай, отвечай и извиняйся.

Я что – то блею в трубку, на что профессор лишь говорит:

— До встречи на паре, Ариана...

— Ариана, — пародирует Алла и мы в голос смеемся. Веселые идем на пару, где обсуждаем дальнейшие ходы нашей ловушки. — Нужно убедить жертву, что она в полной безопасности, а потом раз... И Захлопнуть мышеловку.

— Звучит жутко.

— Зато работает безотказно, главное, чтобы ты не слилась с этими твоими новыми тайными отношениями.

— Нет, нет. Я буду помогать. Нужно уже просто быстрее с этим всем покончить.

— Тут я согласна, — кивает она, что – то щелкает в телефоне. – Ну слава Богу.

— Что такое?

— Да подружка моя, Марина. Вчера помнишь, звонила. Вроде успокоилась.

— Наладилось у нее с женихом.

— Да, вчера была бурная ночь. Сегодня расскажет. А кстати, хочешь с нами?

— У меня ж работа, забыла?

— Да, точно. Надолго ты?

— На два часа. Сначала девочка шести лет. Потом мальчик десяти.

— На что только родители не идут, чтобы вырастить своих паганини.

— Или просто всесторонне развивают.

— Ой, да, мама заколебала меня по всяким кружкам таскать, а музыкальную школу я терпеть не могла.

— Тогда почему поступила сюда?

— Потому что хочу петь, а родители сказали, что наймут мне продюсера, только когда я получу образование.

— Жестко они.

— Да не, они крутые, просто строгие во многом.

Мы досиживаем пару и идем к Кириллу Дмитриевичу. Я немного волнуюсь, потому что парни, которые собственно меня никогда особо не замечали вдруг начали проявлять интерес. Хорошо, что я всегда хожу с Аллой. Так они просто постесняются подойти.

Всю пару я сижу очень близко к профессору, напряженная как струна в гитаре. Но, судя по всему, все идет отлично, потому что он часто посматривает на меня, а после пары предлагает на неделе поехать в студию и записать мой голос

под его композицию.

И я чертовски понимаю тех девчонок, которые на такое соглашались, наивно полагая что их действительно считают талантливыми. Это манит. Похвала позволяет почувствовать ту самую эйфорию, которую мне дарит Карим.

— Думаешь и правда запишет или прямо там начнет приставать?

— Не, там не начнет, слишком рискованно. Но скорее всего даже записывать не будет – сделает вид. Гандон.

— Слушай, а к тебе он не подходил, ну, с предложением.

— Шутишь? Я дочь Самсоновых. Ему стоит меня только пальцем тронуть, как набегут ватага из моих родственников, которые быстро поднимут его на вилы. В нашем круге мы друг за друга горой, причем не важно в ссоре мы при этом или давно не общались.

— А, вот почему ты Марине помогаешь?

— Это тоже.

— Здорово, у нас в семье не так.

— Я думала вы дружны.

— Были, — отмахиваюсь от вопросов, спеша на свое репетиторство. После постоянно заглядываю в телефон, надеясь, что хоть сегодня Карим освободится. Но похоже его сильно загрузили работой, раз он даже с добрым утром мне не поздравил.

Выхожу из многоэтажки и вздрагиваю от звука клаксона. Оборачиваюсь и вижу сияющий порше Али.

— Привет, — вылезает она из окна. — Садись, поедем поедим. Знаю же, что голодная.

— Да я перекушу, ты чего.

— Давай, давай. С Мариной поговорим. Не могу ее одна переваривать. Ты хоть будешь разбавлять ее стервозность своей сладостью.

— Господи, Алла, что за выражения.

— Ну правда, ты вся такая сладенькая. Что папа мальчика сказал, оценил твой наряд?

— Ну, — смущаюсь. — Заметил, да.

Я не реагирую на других мужчин, мне никогда никто из не был интересен, но не отменить их внимание я не могу. Папа мальчика Дамир сегодня впервые присутствовал на уроке. И музыка его интересовала в последнюю очередь.

— Еще бы. Ты сейчас настоящая секс-бомба.

— Да ну тебя. Я точно буду тут к месту? — спрашиваю, когда вижу вывеску одного из самых популярных ресторанов.

— Конечно. Ты же со мной.

Мы проходим внутрь, где администратор, который явно сегодня была на кастинге моделей провожает нас к столику. За ним сидит уже знакомая мне брюнетка. Мы присаживаемся к ней, и Алла сразу заказывает нам коктейли.

— А можно мне молочный.

Сначала за столиком воцаряется тишина, а потом она взрывается женским смехом.

— Господи, ты откуда ее достала, из детского сада?

— Почти. Ей Пину-Коладу. Это, кстати почти молочный. Ну давай, лей свой яд.

— Да иди ты. Сделала я вчера все как ты сказала. Пеньюар, чулки, — эта Марина мельком на меня смотрит, словно думая можно ли мне доверять. Потом забивает на мое присутствие, погружаясь в свой рассказ. — Так он посмотрел на меня, сначала даже не понял к чему это все. Он блин уходить собирался. Сказал, что с отцом пойдет посидеть. Я даже думала матери его позвонить проверить.

— Такого точно делать не нужно.

— Так вот... Я блин к нему и так и этак, пришлось опустится до минета, чтобы он никуда блин не ушел. Я же как чувствовала, что к другой.

— В итоге, как все прошло?

— Ну как сказать. Не, я кончила, конечно. Два раза. Но мне все время казалось, что он витает в облаках.

— Ну потом же он не ушел?

— Не ушел. Я заставила его остаться и посмотреть со мной кино.

— Бери пример с Арины. Она вот своему парню полностью доверяет,

— И чем он заслужил.

Нас прерывает официант, приносит коктейли и мой оказывается очень вкусным. Я сразу выпиваю половину, на что Алла откашливается и отодвигает его от меня.

— Не гони лошадей. Вдарит в голову, будем потом тебя по туалетам искать.

— Зачем по туалетам.

Девчонки смеются. Официант приносит салат, который Алла пододвигает мне.

— Перекуси.

Не помогает и напиток и правда, что — то со мной делает. Вокруг сразу ставится ярче музыка, краски, а над шутками девчонок я начинаю смеяться. Где — то даже шучу сама.

Потом и правда иду в туалет, долго рассматриваю свое лицо. Карим так и не написал. Уже наверное и не напишет.

Зато можно показать ему, что я жду. Просто жду и надеюсь, что он найдет несколько минут, чтобы просто меня обнять.

Так что я чуть стягиваю лямки платья, подаренного Аллой, обнажаю часть черного бюстгалтера и сую палец в рот, делая фотографию. Отправляю только по одному возможному номеру. Жду, когда галочки загорятся голубым и тут же удаляю.

И почему это так смешно!

Карим тут же пишет, пишет, пишет, заставляя желудок свернуться узлом, а сердце сделать смертельное сальто. Ноги и руки холодеют.

А вдруг ему не понравится. А вдруг он будет недоволен? «Адрес» — только и читаю в ответ.

«Я тут с подружками»

«Я тут со стояком. Что для тебя важнее?»

«Я выскочу на улицу, как подъедешь».

«Двадцать минут», — пишет он в ответ. Я прыгаю от счастья и радости, а потом чувствую, как меня мутит. Горло сводит, и я бегу в туалет. Кажется, мой организм даже один коктейль не готов переварить.

Глава 16.

— Так, а ты танцевать идешь? — спрашивает Аля, когда я возвращаюсь к столу. Они уже довольно подвипившие, с разгоревшимися щеками.

— Не, меня сейчас заберут, — улыбаюсь, прячу глаза и разглаживаю подол платья.

— О, даже так?

— Что, что такое? — любопытствует Марина.

— Да я просто сделала, как учила Алла, послала фото своему парню, и он тут же спросил, где я. Теперь едет сюда, чтобы меня забрать.

— Ого, да ты быстро учишься.

— А что за парень?

— Мне бы тоже хотелось знать, но Аринка не говорит. Тайна за семью печатями.

— Ну, это ее право, кстати, — пожимает плечами Марина.

— Ладно, я танцевать. Ты идешь?

— Иду. Тебя точно не проводить, — смеется Аля, а я с улыбкой качаю головой.

— Все отлично. Завтра увидимся. Я тебе что-то должна за коктейль?

— Нет, конечно. Отличной тебе ночи, детка, — целует она меня в щеку и идет поражать мужское воображение своим телом. Танцует она и правда отлично. Как и Марина. В

какой-то момент я даже закрываю лицо руками, настолько неудобно смотреть на их синхронные движения. Я так никогда не смогу. Разве что на Кариме.

Поджимаю губы, не узнавая саму себя. Все-таки коктейль подействовал, раз возникают такие мысли. Именно в этот момент телефон пиликает новым сообщением.

«Выходи».

Я тут же беру свой рюкзак и тороплюсь сквозь толпу на выход, словно окрыленная будущими минутами счастья. Неважно, сколько мы пробудем вместе, главное, что это случится.

Я выхожу на улицу, вдыхая свежий ночной воздух, почти сразу замечаю агрессивную морду иномарки без номеров, которая мне подмигивает. Бегу туда со всех ног, прыгаю в машину почти сразу, излишне хлопая дверью. Помню, как такое не нравится брату.

— Прости, слишком сильно хлопнула?

— Конечно. Придется тебя наказать сегодня, — опускает он ладонь на колено, когда его телефон начинает играть на весь салон. Карим тут же тормозит машину, выходит прямо на дороге и минуты три разговаривает по телефону. Потом садится снова, но уже заметно напряжен.

— Проблемы? Работа?

— Да так, ничего важного. А ты когда начала по таким клубам ходить?

— Я не начала, просто подружка позвала.

— Не стоит тебе по таким местам ходить.

— Почему? Там весело, и коктейли вкусные.

— Ну, как минимум, потому что я тебя об этом прошу.

— Ну, хорошо, — разве я могу ослушаться своего мужчину? Отвлекаюсь на свой телефон. Звонит Алла.

— Привет? Я что-то забыла?

— Нет, нет. Слушай, волнуюсь за тебя. Скинешь точку, где находишься.

— Ой, а я не умею. Да и телефон у меня такое не умеет.

— Блин, точно. А где едешь? По набережной?

— Да, а ты откуда...

— Да просто видела, как ты уезжала. Будь осторожна, мужчины бывают такими лжецами.

— Не переживай! До завтра!

— Что там? — Карим кивает на телефон, который убираю в рюкзак. — Опять твоя подружка?

— Ага. Волнуется. Знает, что у меня есть парень, но не знает кто.

— Надо, чтобы и не узнала. Думаю, стоит перестать с ней общаться.

— Почему? Она хорошая.

— Женщины любопытны. Рано или поздно, она начнет за тобой следить. А нам ведь это не нужно? Ты же в безопасности со мной?

— Конечно, — киваю, прижимаясь к его плечу, делая себе пометку больше не упоминать в присутствии Карима Ал-

лу. Всем будет спать спокойно. Но я уверена, что она не сделает ничего, что бы мне навредило.

Мы долго едем по городу, минуя главные дороги, но вскоре выбираемся в лесок, где Карим прячет машину в деревьях.

Как только мотор глохнет, а салон погружается в полутьму, то все мои рецепторы обретают резкую чувствительность. Запах Карима заполняет меня до краев, его энергетика берет меня в плотное кольцо.

— Пойми, малыш, нам нельзя светиться, — трогает он мой подбородок, без ошибок находя его в темноте. Гладит костяшками пальцев, затем трогает губы большим.

— Я понимаю. Я не хочу рисковать... Я хочу видеть тебя, хотя бы изредка.

— Ты чудо, — шепчет Карим, вторую руку заводит на мой затылок, сжимая там волосы. — Пахнешь охуительно.

— Ты тоже, — шепчу в темноте, прижимаясь своими губами к его. Поцелуй жадный, влажный, сочный, дико возбуждающий. Я ничего не вижу в темноте, почти ничего не слышу в тишине салона, зато ярко чувствую каждый миг тактильного кайфа. Руки Карима уже на моей груди, он грубо тянет чашечки лифчика вниз, тут же принимаясь мучить соски.

Боже, они словно горят под его губами. А он еще и язык добавляет. Вылизывает так, что между ног все болезненно тянет. Хочется потрогать там себя, но еще больше хочется

трогать Карима. Я веду руками по его свитеру прямо вниз, выдергиваю его из-под ремня и тяну вверх, чтобы скинуть лишнее. Карим помогает мне стянуть одежду через голову и тут же снова принимается за грудь. Боже, как же хорошо! Как же приятно! Я запрокидываю голову, стону в голос, пока Карим щекочет мои соски, сжимает обе груди руками и зарывается туда носом.

— Бля, хочу трахнуть твои сиськи.

— Ой, — смеюсь, вспоминая, как он делал это в нашу первую ночь. — Тогда тебе придется вылезти, а я лягу на спину.

Карим только рычит, как ему нравится эта идея. Тут же открывает машину, снимает свои брюки, оставляя их болтаться на ногах. Я тут же ложусь на спину, и Карим стягивает с меня лифчик, но платье оставляет.

— Трусики сними.

Я выполняю его задание, даже не смея думать о том, что мы делаем. Где мы делаем. Я просто спешу, пока Карима снова не позвал долг или другие дела, или жестокий отец, который не хочет счастья для сына.

Я ложусь на спину, тут же поднимаю руки и обхватываю его член. Моя голова свисает, и мне не очень удобно, но Карим уже плюнул мне между грудей, сжал их сильно и начал елозить между.

Он освободил одну руку, чтобы прижать мою голову к себе. Я тут же принимаюсь щекотать языком мошонку, пока он

двигает бедрами, скользя по моему телу.

— Арина, сука, — двигается он все чаще, пока резко не бьет по соскам. Я вскрикиваю от боли, но тут же стону, когда он зализывает удар. Делает так снова. Отодвигается немного, двумя пальцами раскрывая мой рот широко. — Давай, детка, возьми член полностью. Хоть пару раз.

Я киваю, стыдливо понимая, что залила соками все его сидение.

Но долго думать об этом не получается, потому что Карим уже толкает член в рот, проталкивая его все дальше, пока я не начинаю задыхаться, часто дыша носом.

Он достает блестящий от слюны член и толкает в меня снова. Снова. Снова, позволяя лишь изредка глотать поток лесного свежего воздуха. В какой-то момент он забывается, сжимая мое горло, в котором яростно двигает членом, не позволяя мне толком дышать.

Но тут же отпускает. Я откашливаюсь, радуясь, что так ничего и не поела.

— Блять, какая же ты умница, Ариш, иди ко мне.

От обиды жжет горло. Но я тут же ее забываю, стоит ему взять меня на руки, сжать в своих объятиях и смешно двигаться к капоту. Я смеюсь сквозь слезы, а Карим улыбается, давая мне понять, что ему сейчас по-настоящему хорошо. Он укладывает меня на холодный капот. Контраст с разгоряченным телом колоссальный, дающий новый виток возбуждения, от которого я раскрываю ноги, чувствуя, как холод-

ный воздух лижет припухшие губки.

Карим тут же скользит по ним пальцами, вталкивает в меня сразу два, а вторым гладит другое отверстие.

— Карим, я не... В прошлый раз было больно.

— Привыкнешь потом, — наклоняется он и снова меня целует, начиная двигать тремя пальцами. Я вся сжимаюсь от боли, но возбуждение бродит где-то рядом, пока не врывается в приоткрытую дверь, стоит Кариму толкнуть в меня член, но продолжать двигать пальцем в другом отверстии. Я жмурюсь от удовольствия, что несется по венам, как байдарка по горным рекам.

Стону в голос прямо в кроны деревьев, за которыми видны яркие звезды.

— Лучше? Так нравится? — хрипит Карим, сжимая мое платье в кулаке и буквально натягивая на себя мое тело. Так жестко и сильно, что я чувствую каждую ниточку вены, что пульсирует на члене внутри меня.

— Да, да, пожалуйста, вот так.

— Еще сильнее? Говори со мной. Скажи, как ты любишь, когда я тебя трахаю.

— Я люблю, люблю, когда ты меня трахаешь.

— Умоляй дать тебе кончить.

— Умоляю, любимый, дай, дай мне кончить, — сжимаю ногами его бедра, чувствуя в себе яростные толчки, елозя по стали, которая уже нагрелась от моего тела. Я открываю глаза, смотря, как напрягаются мышцы пресса, как жестко и

остервенело работают бедра Карима, как его член тянется во мне, словно работает сильная тяга.

— Ты моя, поняла? Ты моя, Арина, — ревет он, сжимая челюсти и ускоряясь так, что моя грудь лишь успевает подпрыгивать в такт его толчкам.

— Поняла. Поняла, я твоя-я-я!

Карим вдавливая большой палец сильнее, сдавливая внутри меня что-то такое, отчего тело взрывается, радугой застилает глаза. Сотрясаюсь от переизбытка эмоций.

Как только Карим вытаскивает член, открываю рот, чтобы поймать хоть несколько капель. Карим с улыбкой размазывает их по моим губам.

— Какая ты красивая в моей сперме. У меня, кстати, для тебя подарок.

— Что? Не нужно!

— Не смог пройти мимо, — он отходит, а я сажусь, оглядываюсь по сторонам. Тело еще гудит, между ног мокро и зудит, словно мне мало. Карим уже натянул штаны, но у меня есть возможность любоваться его торсом.

— Это что? — спрыгиваю с придыханием. Он сам как подарок судьбы, но все равно решил подарить подарок. А вдруг это кольцо?

Он открывает, показывая мне тонкую цепочку с бабочкой подвеской. Ее крылья столь тонкие, что боюсь коснуться.

— Боже, Карим...

— Повернись, я надену.

Он застегивает цепочку, а я рассматриваю бабочку. Она так сверкает!

— В следующий раз хочу трахать тебя в ней.

— В чем угодно...

— Мне нравится, какая ты послушная. Больше не ходи по клубам, поняла?

— Поняла. А фотография тебе моя понравилась?

— Да. В следующий раз хочу голое фото.

— Ой, нет, я не смогу.

— Оно только для меня. Знаешь, как вдохновляет на работу?

— Правда?

— Да, — он достает телефон, поджимая губы. — Поехали, отвезу тебя.

Мы добираемся до общежития молча. Карим о чем-то напряженно думает. А когда я выхожу, даже не прощается, просто уезжает.

Я стряхиваю обиду, понимая, какой он занятой, и просто трогаю бабочку. Его подарок. У меня никогда не было столь ценных сердцу вещей. Похоже, и Карим — единственный близкий мне человек. Человек, который никогда меня не обидит в отличие от бабушки и братьев.

Глава 17.

— Привет, ты где? — не успеваю зайти в комнату, как мне звонит Алла. Ее волнение мне приятно, хотя и вызывает странную, необъяснимую тревогу.

— Вот, только зашла. А вы где? Все нормально у вас? Голос вроде бодрый.

— Да, я уже протрезвела. А ты чего на сообщения не отвечала. Я волновалась.

— Ну... Мы немного заняты были...

— С Костей?

— С каким Костей? — сначала не поняла я, а потом по лбу себя ударила. Я же сама назвала это имя. — Да, точно, с Костей.

— Ну ладно, я поняла, главное, что ты домой добралась, — она отключается как — то слишком резко, оставляя меня в полном недоумении. Гадать, что же не так. Почему у меня такое ощущение, словно она ментально меня в чем — то обвинила? Хотя перед ней я точно ни в чем не виновата.

Ну и ладно. Если надо, скажет. Может обиделась, что я ушла рано.

Может перепила просто.

Беру косметичку и долго принимаю душ, перебирая моменты с Каримом. Все они, как фотографии лежат в моем альбоме сознания, который я частенько перелистываю. Так

мне легче переживать долгие часы разлуки.

Выхожу из душевой и даже немного жалею, что нельзя оставить места касаний Карима до следующего свидания. Но дело в том, что на моем теле нет ни миллиметра, где бы он не касался.

Когда возвращаюсь в комнату, тут же Галя, машет мне и общается со своим парнем по телефону. Я же беру свой, на который обычно звонит Карим. Ого, пропущенный. Чего бы ему мне звонить?

И вдруг вздрагиваю, когда он оживает. Поднимаю трубку, испуганно спрашивая.

— Карим, что – то случилось?

В ответ лишь тяжелое молчание, которое пугает до чертиков.

— Карим, это ты? Тебе нужна помощь? Может полицию вызвать?

Связь обрывается, и я слышу лишь гудки. Они как сирена в моей голове. Я тут же начинаю названивать Кариму, хотя знаю, что нельзя, он запретил. Помимо этого, собираюсь, готовая бежать в полицию.

Но, через минут, десять слышу голос Карима, что заставляет мое сердце буквально зайтись в волнении.

— В чем дело? Зачем ты названиваешь?

— Прости, любимый. Ты позвонил, молчал, я испугалась, хотела в полицию бежать.

— И чтобы ты там сказала, — вдруг усмехается он, уже

немного расслабленно. — Сын президента попал в беду, спасите его.

— Боже, — понимаю, как бы это звучало. — Меня бы на смех подняли, да?

— К сожалению, да, детка. Ложись спать. И еще, запишись к врачу. Начинай принимать таблетки.

— Какие?

— Противозачаточные, Арин. Мне пока рано думать о детях.

Почему меня так царапает, что он говорит мне, а не нам. Почему меня так беспокоит, что он скрывает наши отношения.

Отметаю эти мысли, как ненужные альбомные листы, на которых фотографии не поместились или не держались бы. Наша история закончится хорошо. Нужно верить Кариму. Нужно верить тому, кого любишь.

На утро у меня отличное настроение. Я даже делаю подобие прически, чтобы понравится не только профессору, но и себе. Надеваю одно из тех платьев, что еще не успел замарать Карим и свои ботинки.

В аудитории ищу глазами Аллу, машу ей с улыбкой, но в ответ получаю лишь короткий кивок головой.

— Привет. — сажусь рядом. — Погода сегодня отличная. Думаю, погулять после работы, ты со мной?

— От твоего позитива блевать охота. Хорошо потрахалась?

— Аль, ты чего...

— Да ничего, настроение паршивое. Но думаю скоро заболею твоим.

— Перепила, наверное, вчера?

— Не спала почти.

— А как у твоей подруги дела? Мы вчера так и не успели познакомиться поближе.

— Ничего, успеете еще. Знаешь, на этой неделе я думаю надо заканчивать с профессором. Он уже тепленький. Надо дожать.

— Ты прям так торопишься, — настроение падает моментально, зато у Аллы наоборот подъем. — Может еще пофлиртовать?

— Нет, нет, ты сделаешь вид, что споткнешься. Он предложит тебя подвезти, а ты скажешь, что в комнате подруга.

— Он повезет меня в больницу.

— Да нет же дура, он повезет тебя к себе, потому что на такие невинные глазки как у тебя любой клюнет, даже... Короче любой.

— Ну не знаю, Аль, как — то это...

— Ты же обещала мне помочь. Или сливаешься?

— Нет, нет, я все сделаю. Может даже хорошо, что побыстрее. Будет меньше голова болеть об этом. Когда ты хочешь это повернуть?

— Сегодня профессор на конкурсе, так что завтра. Наденешь каблуки.

— Но у меня нет.

Она как – то подозрительно смотрит, потом кивает со словами.

— Ничего, я принесу, — что – то набирает Алла в телефоне, а когда звенит звонок, резко поднимается со своего места. Может у меня паранойя, но ощущение такое, словно ей неприятно со мной рядом находится. — Какой у тебя размер ноги.

— Тридцать пятый.

— Ну правда натуральная золушка. До завтра.

— Но у нас же пары еще, ты куда?

— К Марине.

— А что, у нее что – то случилось?

— Да. Нужно помочь, морально. До завтра, золушка.

— Пока, — прощаюсь, совершенно ничего не понимая, но чувствуя себя попавшей в детство, когда вся мокрая и замершая упорно зову маму на берегу реки, а она все не приходит и не приходит, рождая внутри тела лютый страх, заполняющий меня до краев.

Страхиваю дурацкое ощущение и спокойно иду на следующую пару, потом в библиотеку и снова на учебу. Но весь день меня не покидает чувство, что я где – то обидела Аллу.

Так, надо помочь ей, не отвлекаясь ни на что. И как бы не было тяжело, придется даже отменить встречу с Каримом, если он захочет встретиться.

После учебы и репетиторства я все-таки нахожу время за-

бежать в больницу. Записываюсь к гинекологу. Правда только на будущую неделю. Как раз все дела будут закончены и я смогу посвятить себя Кариму и Музыке.

Глава 18. Карим

После короткого разговора с Аришкой иду на кухню, где в одинокого пьет Марина. Не бухает, но попивает красное вино, то и дело помешивая его в бокале.

Она узнала про Арину, но кажется меня не ждет разборок. Как и предполагал Марина очень мудрая женщина и будет очень мудрой женой. Совсем скоро я утолю свой голод Ариной и все вернется на свои круги.

— У нас проблемы? — спрашивает она, повернув голову.

— Никаких.

— Хорошо, присоединишься? Вино очень вкусное.

— Конечно, давай налью.

Разливаю вино по бокалам, и поднимаю свой выше, салютуя Марине.

— Как твой проект? На какой стадии?

— Я почти завершил расчеты и сделал чертежи.

— Так быстро? Ты обычно месяцами сидишь.

— Неожиданно много энергии последние пару недель. Да и сам проект очень перспективный. Новый мост через реку. Эта развязка разгрузит несколько дорог.

— Главное не торопись. Совершить ошибку легко, а исправить будет сложно.

— Не переживай. Я еще никогда не совершал ошибок, — выпиваю свое вино, которое на языке ощущается т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.